

МИНИШАРМ
лучшее

Бертрис Смолл

Плутовки

Наследие Скай О'Малли

Бертрис Смолл

Плутówki

«АСТ»

2003

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Coe)-44

Смолл Б.

Плутовки / Б. Смолл — «АСТ», 2003 — (Наследие Скай О'Малли)

ISBN 978-5-17-091373-2

Бывшая фаворитка и подруга короля, всеми силами противящаяся браку по расчету... Очаровательная невинная аристократка, принужденная сделать выбор между братьями-близнецами... Легкомысленная принцесса, вступившая в опасную игру с великосветским соблазнителем... Они – придворные красавицы. Для них жизнь – это изощренные интриги, пылкие страсти и опасные, увлекательные приключения.

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-17-091373-2

© Смолл Б., 2003

© АСТ, 2003

Содержание

От автора	6
Пролог	7
Часть 1	10
Глава 1	11
Глава 2	22
Глава 3	36
Глава 4	51
Глава 5	62
Конец ознакомительного фрагмента.	69

Бертрис Смолл Плутовки

© Bertrice Small, 2003

© Перевод. Т.А. Перцева, 2003

© Издание на русском языке AST Publishers, 2015

* * *

Кейт Даффи.

*С любовью, от самого ее преданного автора,
Беатрис Смолл*

От автора

Мои дорогие читатели!

Двадцать четыре года назад я начала писать роман, озаглавленный «Скай О’Малли», совершенно не намереваясь создавать продолжение. Но вам так понравилась Скай, что я написала вторую часть и неожиданно обнаружила, что у меня вышел целый ряд книг под общим названием «Сага О’Малли». Эта сага породила вторую: «Наследие Скай». Писать эти книги было чистым наслаждением. Но прошло сто тридцать лет между рождением Скай в Ирландии и завершением «Плутовок». Когда Скай появилась на свет, Англией правил король Генрих VIII, потом трон перешел от Эдуарда Шестого и Марии Кровавой к великой Елизавете, ее кузену Якову I, его сыну Карлу I. Затем настали времена Республики, правления Кромвеля и Реставрации монархии. Не правда ли, перед нами прошел огромный исторический период. Теперь количество потомков Скай увеличилось почти до пятисот человек. Я больше не могу уследить за всеми. Поэтому с величайшим сожалением завершаю повествование о Скай, ее родных и потомках.

Из моих тридцати одного романа только двенадцать посвящены Скай и ее семье. Но я продолжаю писать и, если повезет, придумаю новую героиню, столь же поразительную, как Скай, а когда это произойдет, искренне надеюсь, что вы получите столь же большое удовольствие от ее приключений. Благослови вас Бог, и пусть у вас будет много новых хороших книг от самого верного автора.

Бертрис Смолл

Пролог

Куинз-Молверн, осень 1667 года

– Так убила она своего мужа, матушка, или нет? – допытывался у матери Чарлз Стюарт, герцог Ланди.

Жасмин Лесли, вдовствующая герцогиня Гленкирк и вдовствующая маркиза Уэсли, устремила спокойный взор на сына.

– Если хочешь знать ответ, Чарли, спроси у нее самой, когда придет, – невозмутимо ответила она.

– Я должен знать! – настаивал герцог. – В конце концов именно благодаря тебе эта девушка вошла в наш семейный круг.

– Эта девушка, как ты выражаешься, – твоя племянница, Чарли! Наша ближайшая родня! Младшая дочь Фортейн!

– И несмотря на это, все равно остается чужачкой, матушка, – возразил он. – Мы ничего о ней не знаем!

– Я знаю! – резко бросила Жасмин.

– Но почему же не поговоришь с ней?! – умоляюще возопил сын.

– Потому что это ужасная трагедия для Френсис. Вся эта история не должна была выйти наружу, но, к несчастью, лорд и леди Толливер, недавно вернувшиеся с Виргинских островов, постарались распространить среди придворных подробности этого позорного скандала во всей его красе. Гнусная клевета, которой следовало бы навек остаться по другую сторону океана! Френсис приезжает к нам, чтобы скрыться от злословия и подлых сплетников, чья жизнь настолько пуста и лишена событий, что они рады ухватиться за любую, самую непроверенную новость! Твоя сестра и ее муж действовали крайне осмотрительно и с невероятным достоинством, если учесть, что произошло на самом деле.

– Но я не знаю, что произошло! – взорвался наконец герцог, нервно проводя ладонью по сидящим рыжевато-каштановым волосам, подстриженным очень коротко, как того требовал этикет, чтобы лучше сидели придворные парики. В живых янтарных глазах плескалось беспокойство.

Жасмин глубоко вздохнула, но все же потянулась к руке сына.

– Я всегда вела себя крайне осторожно, Чарлз, – начала она.

– Если не считать истории с моим отцом, – пробормотал тот и немедленно ойкнул, получив весьма болезненный щипок. Однако на его лице играла лукавая улыбка.

– Мистрис Френсис Деверс не вошла бы в этот дом, мало того, я вообще бы не приняла ее, возникни хотя бы какие-то сомнения по поводу ее нравственности. Но у меня таких сомнений нет. Вспомни, дорогой, твоя сестра переписывалась со мной тридцать два года. Я не видела ни ее, ни Кайрена с того дня, когда они отправились в Мэриленд, но я знаю об их семье все, что можно знать. Эйна – монахиня. Шейн – наследник отца. У него уже трое детей. Каллен и Рори обзавелись собственными плантациями, давно женаты и тоже стали отцами. Мэв счастлива в замужестве и ожидает второго ребенка. Джейми и Чарли сейчас в приграничных областях, осваивают новые земли. Кайрен нездоров. Слишком много трудился эти годы ради процветания плантации. Фортейн пишет, что неустанная работа ослабила его храброе и благородное сердце. А вот теперь в их жизнь ворвалась эта трагедия, принеся столько горя! Для юной Френсис будет лучше покинуть колонии и вернуться в Англию.

– Но этот слух об убийстве! – настаивал Чарлз.

– Повторяю, если хочешь узнать, что случилось, спроси племянницу, – упорствовала мать. – Ей даже не было предъявлено обвинение, мало того, никто не вызывал ее в суд и не заставлял предстать пред королевским магистратом. Если только твое нездоровое любопытство не одолеет тебя, мальчик мой, тебе следует удовольствоваться этим ответом и не обращать внимания на мерзкие сплетни. Когда мы представим ее ко двору, эти сплетни некоторое время будут непременно сопровождать бедняжку, но когда-нибудь разразится очередной скандал, и сплетникам станет не до нее, так что все несчастья Френсис рано или поздно забудутся.

Жасмин поднялась со стула с вышитой спинкой и объявила:

– Если Френсис не собираются принять в этом доме с распростертыми объятиями, я открою свой вдовый дом в поместье твоего брата Генри. В конце концов я – вдовствующая маркиза Уэстли и вдовствующая герцогиня Гленкирк, а это к чему-то обязывает.

– О нет, ты этого не сделаешь, – неожиданно рассмеялся Чарли. – Мы с Барбарой отказываемся справляться с этими двумя плутовками, которых ты вырастила и воспитала по своему образу и подобию. Кроме того, Кэтби недостаточно вместителен для всех вас. Оставайся здесь, дорогая матушка, где я хотя бы могу следить за нынешним семейным выводком хитрых и лукавых девчонок.

– В таком случае пойду готовиться к приезду моей внучки, – кивнула Жасмин. – Форейтор прибыл менее часа назад. Она скоро будет здесь. Я потребовала, чтобы она не брала с собой служанку, поскольку сама выбрала для нее скромную и рассудительную девушку из Куинз-Молверна. – С этими словами она повернулась и вышла из старого парадного зала, добавив на ходу: – Я спущусь вниз, когда прибудет дорожная карета.

Герцог Ланди повернулся к своей красавице жене Барбаре, не промолвившей ни слова в продолжение горячего спора.

– Ну, что скажете, госпожа моя супруга?

– Я еще не видела, чтобы твоя мать ошибалась в людях, – ответила леди Барбара. – Что бы ни произошло с юной Френсис, ей не предъявляли обвинения. Поверь, слухи об убийстве непременно привлекут к ней куда больше придворных джентльменов, чем если бы она была просто обычной молодой вдовой-провинциалкой, которую представляют ко двору знатные родственники. Побаиваюсь даже, что и Дайана, и моя Синара останутся в тени новой звезды. Я хочу, чтобы эти двое вышли замуж, прежде чем попадут в беду, из которой мы не сумеем их выручить.

– Они молоды, неопытны и взбалмошны, дорогая, – пробормотал он.

– Да это парочка молодых дьяволиц, Чарли! Все мы бессовестно их избаловали. Беды юной Френсис, какими бы они ни были, бледнеют по сравнению с проделками Дайаны и Синары. Они начнут выезжать зимой, и мы немедленно найдем им женихов, – твердо заявила прелестная герцогиня Ланди.

– Как скажешь, дорогая, – согласился муж.

Барбара, смеясь, покачала головой.

– Я так и говорю, – подтвердила она, целуя его. – Слава богу, у нас только один ребенок. Не знаю, пережила бы я другого такого, как Синара. – С ее губ сорвался тяжкий вздох. – Я люблю ее, но она истинная Стюарт. Горда и надменна.

– Так ты считаешь меня надменным гордецом? – удивился муж.

– Да, и эти качества тебя не портят. Ты гордишься своим родом и благодаря своим деду и бабке Стюартам никогда не носил клейма незаконнорожденного. Однако сразу становишься холодным и высокомерным, если у кого-то хватает наглости намекнуть, что твое происхождение еще не делает тебя истинным Стюартом. Что ни говори, твой дед был королем Англии и Шотландии, а покойный король – любящим дядей. Мало того, ты – любимый кузен нынешнего монарха. Пусть ты рожден не в браке, но все равно Стюарт. А вот наша дочь считает, что уже одно это имя ставит ее выше всех. И что родство с королем дает ей преимущества и привиле-

гии, которых в действительности у нее нет. Твоя мать и я пытались объяснить ей это, но Синара ничего не желает слушать. Боюсь, что однажды она получит жестокий, но необходимый урок.

Чарли явно встревожили слова жены. Он уже хотел что-то сказать, как в этот момент внизу послышался шум колес экипажа, катившегося по подъездной аллее.

– Она здесь! Пойдем, Барбара, встретим дочь Фортейн, которая то ли убила, то ли не убила мужа.

– Если твоя матушка говорит, что не убивала, значит, так оно и есть, дорогой. Помоги нам бог, муж мой. Теперь нам предстоит выдать замуж трех плутовок.

Часть 1

Королевская прихоть¹

Англия, 1667–1668 годы

¹ Игра слов. Английское слово «fancy» может означать «как прихоть, каприз», так и уменьшительное от имени «Френсис». – Здесь и далее примеч. пер.

Глава 1

Несколько недель, проведенных на корабле, пересекающем океан, Френсис Деверс существовала в тумане скорби и боли. Всего год назад за ней ухаживал самый красивый мужчина во всех колониях. На Рождество Паркер Рэндолф просил ее руки, и она согласилась. Он был из виргинских Рэндолфов, хотя не из самой аристократической ветви семейства, члены которой вершили политику в колонии. Его родители были всего лишь дальними родственниками тех Рэндолфов, но все же он был виргинским Рэндолфом, завистливо твердила сестра Мэв, восхищаясь великолепным кольцом с жемчужиной, окруженной бриллиантами. Сама Мэв вышла за старшего сына местного фермера, выращивавшего табак.

Сразу же стали готовиться к июньской свадьбе. Едва пришла весна, как начались вечеринки, балы и даже пикники. Шилось богатое приданое. Каждый день из Уильямсберга приезжали модистка и портной со своими подмастерьями, которым помогали служанки с плантации. Рабов тут практически не было. И Кайрен, и Фортейн были противниками рабства, и, хотя покупали черных на рабовладельческих аукционах, африканцы оставались подневольными людьми, пока не обучались языку и цивилизованным манерам. Тогда их официально освобождали, платили жалованье и предоставляли кров и еду. Они вполне могли покинуть плантацию, хотя большинство оставались: Деверсы слыли добрыми хозяевами.

Венчание Френсис Деверс и Паркера Рэндолфа стало одним из самых значительных событий во всех колониях. Гости приезжали даже из Массачусетса и с Барбадоса. Невеста была младшим ребенком очень богатой и знатной семьи. Жених был из рода виргинских Рэндолфов. Родители не жалели денег, чтобы свадьба запомнилась на всю жизнь. Невеста блистала красотой. При виде жениха все женские сердца трепетали, как крылья бабочек.

Тут девушка, сидевшая в экипаже герцога Ланди, вздрогнула, стараясь выбросить из головы ужасные образы, день и ночь ее терзавшие.

В скандале и хаосе, последовавшими за тем кошмарным днем, она нашла единственное утешение в объятиях любящей семьи, претерпела допрос королевского судьи и приготовилась навсегда уехать из Мэриленда после похорон мужа. Ей предстояло отправиться в Англию, к бабушке. Женщине, которую она ни разу не видела. Стать частью семьи, которой она не знала.

Через полтора месяца после свадьбы ее посадили на корабль, принадлежащий, как объяснили родители, семейной торговой компании. Френсис понятия не имела, что ее семья владеет кораблями. Девушке сообщили также, что она – дальняя родственница капитана и его жена будет ее компаньонкой в этом путешествии. Ее давняя и любимая горничная, молодая негритянка Джуни Би, останется в колониях. Френсис предстоит полностью порвать все связи с Мэрилендом.

В тот день, когда Френсис поднялась на борт «Кардиффской розы II», ее провожала вся семья. Старшая сестра, Эйна, монахиня в монастыре Сестер святой Марии, приехала на свадьбу, но осталась после трагедии, чтобы поддержать Фортейн. Здесь были также старший брат Шейн с женой, средние братья Каллен и Рори со своими супругами, сестра Мэв с мужем и все племянники и племянницы. Младшие сыновья Джейми и Чарлз, холостые сорвиголовы, завидовали ей. Но плакали все, даже эти юные повесы, которые были ближе всего к Френсис по возрасту. Никто не знал, увидятся ли они снова.

Фортейн Деверс, бледная как смерть, лила слезы, страхась расстаться с младшей дочерью, и молча проклинала виргинских Рэндолфов, не знавших, что представлял собой их сын. Кайрен Деверс осунулся на глазах и казался стариком. Последние несколько лет у него сдавало сердце, а это страшное несчастье и все, что последовало за ним, окончательно подорвали и без того слабое здоровье.

– Мне так жаль, папа, – всхлипывала Френсис на плече отца.

– Нет, девочка, – убеждал он, глядя ее темные волосы, – ты была права.

Ему еще раньше следовало бы прислушаться к внутреннему голосу, ибо он чувствовал нечто темное, даже неприятное в молодом Паркере Рэндолфе. Но Кайрен слишком любил младшее дитя и поэтому отбросил сомнения и позволил ей пойти на зов сердца. Теперь все они расплачиваются за его ошибку, навсегда теряя Френсис.

– Эти люди, к которым ты посылаешь меня... – начала она.

– Твоя бабушка знает правду, девочка. Она полюбит тебя, а ты полюбишь ее. Жасмин Лесли – добрая и разумная женщина. Слушайся ее, моя маленькая Фэнси, – объяснял отец, называя дочь уменьшительным именем ее детства. – Она плохого не посоветует. Родные твоей матери – прекрасные люди. Знаешь, у тебя ее глаза, такого же поразительного оттенка бирюзы.

– Правда? – шмыгнула носом Френсис.

– Чистая, – заверил отец, улыбнувшись впервые за эти тяжкие дни. – Она была принцессой в чужеземной стране и добиралась в Англию целых полгода, на большом судне, первом, которое носило название «Кардиффской розы». Тебе же придется пропутешествовать всего несколько недель, дорогая моя дочь. И хотя сам я родился в Ирландии, Англия – тоже чудесная страна. Ты будешь там счастлива.

– Без тебя и мамы? Без вас всех? Ни за что! – вскричала Френсис.

– У тебя огромная семья, дитя мое, – вмешалась мать, – но ты почти никого не знаешь. Правда, я рассказывала вам обо всех, но этого недостаточно. Ты будешь жить вместе с бабушкой в поместье моего брата Чарли. Твои кузины станут тебе подругами. Они так же молоды, как ты. Представь, Фэнси, ты, возможно, попадешь ко двору! А зная мою мать, могу уверить, что в один прекрасный день ты обязательно найдешь мужчину, которого полюбишь, и на этот раз он ответит тебе истинной любовью.

– Никогда! – отрезала Фэнси.

– Надеюсь, у тебя не осталось никаких чувств к Паркеру Рэндолфу? – нервно осведомилась мать.

– Никаких, – глухо откликнулась девушка.

Фортейн не скрыла вздоха облегчения. Сейчас, вспоминая эту сцену, Фэнси Деверс едва не рассмеялась вслух. Нет, она не сохранила страсти к покойному мужу. Но никогда больше не позволит мужчине не то что завладеть, но даже затронуть свое сердце. Мужчинам нельзя доверять, за исключением, разумеется, отца и братьев.

Наконец судно было готово к отплытию. Осыпав родственников поцелуями и облив слезами, Френсис Деверс навсегда попрощалась и с семьей, и с детством. Пересекая Атлантический океан, она всю дорогу рыдала. И вот впереди показались английские берега. Жена капитана, спокойная, добродушная женщина, имевшая двух дочерей, оказалась достаточно мудрой, чтобы окружить Френсис материнской заботой, не предлагая, однако, советов, которых у нее не просили. Зато уговаривала безутешную девушку поесть и много и тепло говорила о леди Жасмин.

Когда корабль наконец бросил якорь в Темзе, девушку уже ждало суденышко поменьше, называемое баркой. Ее спустили с борта «Кардиффской розы II» на палубу барки в веревочной люльке. Френсис поразили элегантная обстановка каюты, скамья, обитая зеленым бархатом, и живые цветы в вазах горного хрусталя по обеим сторонам окна. Френсис разглядела пунцовые розы, ромашки и хрупкие папоротники.

Вещи девушки наконец погрузили на барку, и Фэнси Деверс начала свое путешествие вверх по реке, в Чизуик-на-Стренде, где ей предстояло провести ночь в месте, названном Гринвуд-Хаус.

Стоял прекрасный день начала сентября, и огромный, бурливший суматохой, рассеченный Темзой на две половины город стал настоящим откровением для девушки, никогда до этой поры не бывавшей в столице. Она не знала, куда смотреть и чего стоит пугаться. Дверь в

каюту была открыта, пропуская прохладный ветерок. Один из гребцов выкрикивал названия достопримечательностей, мимо которых они проплывали.

– Это будет Уайтхолл, мисс! Только короля там нет. Господа любят отдыхать летом в деревне. А вот это – Вестминстерский дворец. Тут – Парламент, где джентльмены-политики вроде как делают много добра для нас, простых людей. А в Тауэре держат изменников, которым потом рубят головы, мисс.

Последнее было сказано с величайшим удовольствием.

Наконец барка ткнулась носом в каменный причал, и гребец бросил швартов подбежавшему слуге. Слуги в ливреях поспешно спустились по зеленому газону к краю воды и помогли Фэнси выйти на берег. Ее вещи уже разгружали. Молодая служанка выскочила из дома и присела перед ней. Серо-голубые глаза весело поблескивали. Пепельно-русые волосы были заправлены под белоснежный чепец.

– Я буду Бесс Трухарт, мистрис. Ваша бабушка послала меня к вам на службу. Завтра утром мы отправляемся в Куинз-Молверн. Пожалуйста, зайдите в дом. Вам, наверное, понадобятся ванна и ужин. И постель, которая не раскачивается каждую минуту, – с улыбкой заключила девушка и снова присела.

Фэнси рассмеялась. Впервые за несколько недель рассмеялась по-настоящему.

– Спасибо, Бесс Трухарт, – кивнула она. – Ты права, я голодна, грязна и устала.

В доме ее тепло приветствовали уже другие слуги, постарше тех, что были во дворе. Все замечали необычайное сходство с прародительницей, чей портрет висел в Большом зале, выходявшем окнами на реку. Экономка отвела ее туда, и Фэнси долго стояла перед изображением женщины, протянувшей ей руку. Темные волосы, сливочная кожа, гордая посадка головы... На женщине был роскошный туалет из алого бархата, вышитого жемчугом и золотой нитью. Они действительно были похожи, но Фэнси показалось, что незнакомка куда красивее, чем она.

– Кто это? – спросила она экономку.

– Как кто, мисс? Ваша прапрабабка, Скай О’Малли. Только вот глаза у вас не от нее. От герцогини, вашей бабушки. Никогда больше не видела таких, кроме как у нее и вот теперь у вас. Чистая бирюза.

Наутро Фэнси и ее новая горничная уехали в Куинз-Молверн, находившийся в окрестностях Вустера. Им предстояло пробыть в пути несколько долгих дней. Бесс сообщила, что дядя-герцог снял номера в лучших гостиницах, так что им не придется ни о чем беспокоиться. В начале осени погода обычно бывала хорошей, дороги – хоть и пыльными, но сухими, так что они не успеют оглянуться, как окажутся дома.

Фэнси откинулась на сиденье, решив последовать совету Бесс, закрыла глаза и стала думать о Мэриленде, своей семье, пыталась забыть случившееся. Но вместе с мыслями о табаке, который вот-вот начнут собирать, о сладковатом запахе сушившихся в сарае листьев, длинных цепочках гусей, появлявшихся над Чесапикским заливом, едва деревья начинали желтеть, в мозгу упрямо возникали воспоминания о Паркере Рэндолфе.

Его называли первым красавцем в колониях, и, что касается внешности, так оно и было. Высокий, стройный, с вьющимися русыми волосами и самыми синими на свете глазами. Улыбка его была чудесна. Смех – заразителен. Манеры – безупречны. Обаяние – неотразимо.

И она поверила, когда он сказал, что любит ее. Фэнси сморгнула слезы.

Но Паркер совсем ее не любил. Душа его была так же черна, как прекрасно лицо. И она слишком поздно узнала это. Слишком поздно, чтобы разорвать помолвку и отказаться выйти замуж. Слишком поздно, чтобы предотвратить скандал, вызванный его смертью. Ее мечты о любви и счастье, которые делили с ней родители, были безжалостно растоптаны. Но ей по крайней мере повезло избавиться от Паркера, прежде чем он причинил боль еще худшую, чем та, что уже терзала Фэнси. Если бы они только знали о его истинном нраве и повадках его родных до того, как она стала его женой!

Но они ничего не знали. Даже не подозревали. Наоборот, Мэв постоянно твердила о его родстве с виргинскими Рэндолфами. Самые влиятельные из его виргинских кузенов помогли Кайрену Деверсу унять бурю возмущения, слухов и сплетен, разразившуюся в связи со странной кончиной Паркера. Оказавшись лицом к лицу с неприятной истиной и столь же напуганные и ужасавшиеся, как те немногие, кто знал реальные обстоятельства случившегося, они использовали свои многочисленные связи и могущество, чтобы как можно скорее погасить пламя. Правда, как уже сказано, оказалась настолько безобразна, что, стань она известна в обществе, замять скандал не представилось бы возможности.

Поэтому Рэндолфы согласились с Деверсами насчет того, что чем раньше молодая вдова уплывет в Англию, тем быстрее улягутся позорные слухи. С отъездом Френсис Деверс сплетники, возможно, еще до Рождества забудут о ней.

Поэтому ее сослали в чужие края, подальше от тех, кого она любила. Зато Паркер Рэндолф преподал ей ценный урок. Научил не доверять мужчинам. Научил, что только отец и братья не предадут ее.

И когда она спросила родителей, почему они не объяснили ей все это перед замужеством, мать горько заплакала и сквозь слезы едва выговорила, что здесь они были очень счастливы, а все беды, испытанные в молодости в Ирландии и Англии, давно забыты. Эйна, старшая сестра, знала их историю, впрочем, как и Шейн, Каллен и Рори, названные в честь уже упокоившихся ирландских родственников и друзей. Если очень настаивать, то Мэв вспоминала кое-что о бесчестном младшем брате отца, но не более того. Ни Джейми, ни Чарли, ни Фэнси почти ничего не было известно о юности отца. Да они и не особенно этим интересовались. Зато все с любопытством слушали рассказы о семье матери, богатых и могущественных людях. В их представлении бабка была почти сказочным персонажем, неотразимой красавицей, пережившей нескольких мужей и имевшей в любовниках принца. Она была знакома с королями и герцогами. Фортейн утверждала, что отец леди Жасмин был правителем великой страны, где-то за семью морями. Фэнси вспомнила, что в детстве они не слишком верили этим историям. Отец всегда шутиливо называл мать великой фантазеркой, у которой язык хорошо подвешен. Недавно она родилась в Ирландии, хотя воспитывалась в Англии.

Но Фэнси поняла, что материнские рассказы вовсе не были такими уж неправдоподобными, как считали дети, и порукой тому служили окружавшие ее роскошь и удобства. Раньше к ней никто не относился с таким подобострастным почтением, какое оказывали теперь в гостиницах и на постоялых дворах. Леди желает ванну? Немедленно! Леди предпочитает утку каплуна? Сей же час!

Любопытство девушки было задето. Вдруг обнаружилось, что ей не терпится добраться до Куинз-Молверна.

И вот они подъезжали к поместью.

Элегантная карета, запряженная шестеркой одномастных коней с кремово-белыми гривами и хвостами, вкатилась в ворота. Фэнси поспешно опустила окно и выглянула. В небольшой долине, раскинувшейся в Молверн-Хиллз, между реками Северн и Уай, находились дом и земли, принадлежавшие когда-то королевской семье. В самом конце своего правления Елизавета Тюдор, нуждаясь в деньгах, продала поместье семейству Мариско. Дед и бабка оставили его своей любимой внучке, и теперь оно перешло во владение ее сыну, герцогу Ланди.

Выстроенный во времена царствования Эдуарда IV, захотевшего сделать подарок жене, дом из потускневшего от времени розового кирпича был сооружен в форме буквы «Е». По стенам ползли плети блестящего темно-зеленого плюща. Только одно крыло, сожженное во времена Кромвеля и возведенное вновь всего пять лет назад, после возвращения короля, все еще оставалось голым. Высокие, широкие окна были забраны в свинцовые переплеты. Темный сланцевый шифер тускло отсвечивал на крышах с многочисленными трубами. Фэнси дом показался уютным и очень красивым. Перед входом на тщательно разровненной граб-

лями подъездной аллею ожидала небольшая группа людей, в которой выделялась женщина в шелковом платье цвета граната, отделанном по вырезу светлыми кружевами. На плечи была накинута кружевная шаль. В серебряных волосах чернели две широкие пряди, словно крылья ласточки. Рядом стояла женщина помоложе в темно-голубом платье, переливавшемся оттенками морской воды. Русые волосы были уложены модными буклями. Ее держал под руку высокий джентльмен в черном бархатном камзоле со снежно-белыми кружевными манжетами и в такой же сорочке. Его рыжевато-каштановые волосы были коротко острижены. На туфлях блистали серебряные пряжки. Кроме этих троих, Фэнси встречали две молодые девушки, отличавшиеся большим сходством. На одной было платье из темно-зеленого шелка, на другой – из фиолетового. Обе, как, впрочем, и Фэнси, были брюнетками.

«До чего же мы похожи! Вполне могли быть сестрами. Как странно... Интересно, мама знает? Они больше походят на меня, чем собственные сестры!» – размышляла Фэнси.

– Самая старшая – ваша бабушка, – пояснила Бесс. – Джентльмен – ваш дядя герцог. Светловолосая леди – его жена. А две девушки – ваши кузины леди Синара и леди Дайана.

– Они сестры?

– Нет, – поспешно ответила Бесс, – леди Синара – дочь герцога и леди Барбары. Леди Дайана – дитя герцога Гленкирка.

Фэнси попыталась вспомнить, что рассказывала мать.

– Так она Лесли?

– Именно!

– Ее отец – брат моей матери, – произнесла Фэнси вслух. – Он старший из детей моей бабушки Лесли. Моя мать – младший ребенок от ее второго брака с маркизом Уэтли.

– Если вы знаете все это, – хмыкнула Бесс, – значит, вам известно больше, чем мне. По правде говоря, леди Дайана – самая милая и хорошая девушка во всей округе. Но берегитесь леди Синары. Больше всего на свете она гордится кровью Стюартов. Она, может, и не хочет никого обидеть, но бывает, что люди частенько из-за нее плачут. Не позволяйте ей командовать вами. Надеюсь, вы простите меня за откровенность, но вам пришлось проделать такой путь! Из самых колоний! И вы не знаете здесь ни души. Мне совесть не позволит спать спокойно, если не помогу вам на первых шагах, мистрис Френсис. Вы мне кажетесь такой же хорошей девушкой, как леди Дайана.

– Я благодарна тебе, Бесс, – кивнула Фэнси. – Очень трудно приходится, если оказываешься далеко от дома, в чужой стране.

Экипаж остановился. Ливрейный лакей открыл правую дверцу и опустил ступеньки, чтобы девушки могли выйти. Герцог Ланди выступил вперед и предложил Фэнси руку.

– Позволь приветствовать тебя в Англии и Куинз-Молверне, племянница, – объявил он, помогая ей спуститься. – Я твой дядя Чарлз Стюарт, младший брат твоей матери.

Он поклонился и подвел ее к родным.

– Я твоя бабушка, – с улыбкой представилась Жасмин Лесли и расцеловала внучку в обе щеки. – Ты совсем не похожа на мать, зато, можно сказать, точная копия своих кузин, а все вы похожи на мою бабушку. Кровь сразу сказывается. Добро пожаловать в Англию и Куинз-Молверн, дорогая девочка.

– Это моя жена, леди Барбара, – продолжал герцог. Фэнси вежливо присела. – И твои кузины, моя дочь Синара и племянница Дайана.

Фэнси снова присела. Кузины ответили тем же, не спуская глаз с вновь прибывшей.

– Бесс Трухарт хорошо заботилась о тебе, Френсис? – спросила леди Жасмин, обнимая внучку за талию.

– О да, мэм, – заверила Фэнси. – И даже очень. Я хотела привезти свою служанку, Джуни Би, но мама сказала, что мой разрыв с Мэрилендом должен быть окончательным.

Они вошли в дом и устроились в старом зале, любимой комнате Жасмин. Слуги взяли у девушки дорожный плащ и принесли подносы с кубками вина и тонкими сахарными вафлями. Все разместились вокруг камина, в котором ярко горело пламя, прогоняя предвечернюю прохладу.

Завязалась учтивая беседа.

– Этой зимой мы едем ко двору, кузина Френсис! – неожиданно выпалила Синара. Ее яркие голубые глаза возбужденно сверкали.

– Мы уже бывали при дворе, – мягко возразила Дайана.

– Да, только чтобы представиться королю! Говорят, он лучший в мире любовник, – с лукавой улыбкой парировала Синара.

– Синара, веди себя прилично, – пожурила Жасмин.

– Бабушка, но об этом все говорят!

– Мы провели при дворе всего один день, – пояснила Дайана. – И видели королеву. Она не слишком красива, но очень мила.

– Она дала нам прозвища, – продолжала Синара. – Все, кто что-то значит при дворе, имеют прозвища. Дайану окрестили Сиреной. Утверждают, что она так прекрасна, что может завлечь и погубить любого. Но думаю, они ошибаются. Дайана для этого чересчур добра.

– А Синара теперь Син², – добавила Дайана с хитрой усмешкой. – Понять не могу, почему бы это. Интересно, как будут звать вас, кузина Френсис?

– Родные прозвали меня Фэнси. В детстве я не могла правильно выговорить свое имя и говорила Фэнси вместо Френсис. Скоро все к этому привыкли, и если я слышала Френсис вместо Фэнси, начинала гадать, что же такого успела натворить.

– Первый дом твоей матери назывался Фортейнз-Фэнси, – заметил герцог Ланди.

– Я никогда там не жила. Он был разрушен свирепым ураганом через шесть лет после постройки. Иногда такие ураганы приходят с Карибских островов в конце лета. Новый дом назван Бейвью³. Построен на том же месте, фасадом к Чесапикскому заливу. – Прелестное личико девушки омрачилось. – Я буду тосковать по нему, – со вздохом призналась она.

– Что же, вполне естественно, – деловито согласилась Жасмин. – Каждый тоскует по родине. Я старая женщина и прожила едва ли не шестьдесят лет в Англии и Шотландии и все же часто вспоминаю тот дворец, где родилась и выросла. Он стоит на берегах прекрасного озера, в местности, называемой Кашмир. Я оказалась последним, самым младшим ребенком отца, и, поскольку моя мать была англичанкой, отец посчитал, что мне лучше оставаться в более умеренном климате, а не на юге, где находился весь двор, но жара стояла поистине тропическая. Мой первый муж был кашмирским принцем. Темноволосый красавец, очень меня любивший.

– А сколько у вас было мужей, бабушка? – не выдержала Фэнси.

– Трое, – ответила Жасмин, втайне довольная, что та признала в ней бабушку. – Первым был принц Джамал-хан. Его убил мой сводный брат. Поэтому отец и отослал меня к моей бабке в Англию. Я много месяцев провела в пути, чтобы добраться сюда. Потом я вышла за Роуэна Линдли, маркиза Уэсли. Твоего дела, Фэнси. Третьим стал Джемми Лесли, герцог Гленкирк. А отцом твоего дяди Чарли был принц Генри Стюарт, который, будь он жив, стал бы наследником трона своего отца, короля Якова.

– А как умер мой дедушка? – продолжала допытываться Фэнси. – Мама говорит, что никогда его не видела и всегда считала своим отцом лорда Лесли.

– Твоего деда застрелил в Ирландии религиозный фанатик. Пуля предназначалась мне, но попала в Роуэна. Я как раз носила твою мать, девочка моя, – пояснила Жасмин. – Здесь, по эту сторону океана, у тебя очень много родных, Френсис Деверс. В свое время ты, несомненно,

² Грех (англ.).

³ Вид на залив (англ.).

познакомишься со многими. У моей бабушки было шестеро детей. Они, в свою очередь, произвели на свет немало отпрысков, у тех появились свои дети, и так далее. Думаю, теперь в Англии, Шотландии, Ирландии и колониях живут не менее четырехсот потомков мадам Скай.

– Боже! – воскликнула Фэнси. – Я этого не знала! Мама всего лишь сказала, что здесь у нас много родных.

– Твоя мать была счастлива? – спросила Жасмин.

– До последнего времени я никогда не видела ее грустной. Она и папа временами ведут себя... почти неприлично, потому что безумно любят друг друга. Я думала... надеялась, что однажды найду такую же любовь, но...

Она осеклась и замолчала.

– Любовь, – величественно изрекла Синара, – всего лишь иллюзия, дорогая кузина.

– В самом деле? – сухо осведомилась бабка. – Я удивлена, что ты способна поверить такому.

– Но так говорят... – начала Синара.

– Счастлива слышать, что твое мнение основано не на личном опыте, – осадила ее Жасмин. – Повторяя подобные вещи, Синара, ты выглядишь не только невежественной, но и глупой.

– Но в моем возрасте, бабушка, ты уже была замужем! – вспылила Синара, вскидывая голову так резко, что темные булки подпрыгнули.

– То было другое время и другое место. Отец тяжело заболел и хотел перед смертью устроить мое будущее. Кстати, мою приемную мать тоже не радовал столь ранний брак.

– А твой муж сразу лег с тобой в постель? – ехидно спросила Синара.

– Это не тема для дискуссий! – оборвала Жасмин и повернулась к невестке, чье лицо пылало румянцем смущения.

– В самом деле, Барбара, неужели у тебя нет никакой власти над этой девчонкой? Страшно представить, что подумает о ней Фэнси!

Фэнси, однако, уже была очарована кухней. Синара была так прекрасна, утонченна и знала о жизни куда больше, чем Фэнси, хотя ей всего пятнадцать!

Не желая вступать в спор, Фэнси благоразумно сказала:

– Бабушка, мне бы хотелось подняться к себе. Все эти путешествия сильно меня утомили.

– Разумеется, дорогое дитя, – поспешно заверила Жасмин, поднимаясь. – Я отведу тебя, тем более что сама выбрала комнату.

Она взяла Фэнси под руку и вывела из зала.

– Что ты думаешь? – спросил жену герцог Ланди.

– Она прелестна. Заметил, что все трое: она, Дайана и Синара – почти на одно лицо? Правда, сейчас девушка измучена, но через несколько дней мы узнаем ее получше, и, Чарли, скорее всего суждение твоей матушки окажется справедливым. Впрочем, как всегда.

Герцог согласно кивнул:

– Похоже, ты права, дорогая.

– Бабушка считает, что она убила мужа? – дерзко выпалила Синара.

Герцогиня Ланди, окончательно потеряв терпение, прикрыла глаза. Синара так несдержанна на язык! А ее проделки! Что с ней будет?!

– Не имеется никаких доказательств того, что твоя кузина кого-то убила, – спокойно ответил отец. – Буду очень благодарен, если ты не станешь повторять сплетни. Особенно ни на чем не основанные.

Он окинул дочь суровым взглядом, но та не унялась:

– В таком случае почему все про это говорят?!

– Случилась какая-то ужасная трагедия. Даже я не знаю всей правды. Но учти, если бы твоя кузина совершила преступление, ее обвинили бы и судили. Ничего подобного не произо-

шло. Новобрачный, погибший сразу после свадьбы, – вещь довольно необычная. Любопытство и заставляет окружающих измышлять самые дикие истории. Надеюсь, ты никогда не окажешься предметом подобных слухов.

– А бабушка знает правду? – тихо встала Дайана.

– Скорее всего.

– Бедная Фэнси, – вздохнула девушка. – Как, должно быть, тяжело потерять жениха таким ужасным образом! А потом, чтобы сохранить репутацию, ее услали от всего, что она знает и любит!

– Ты оставила Гленкирк в одиннадцать лет, – напомнила Синара, – и это совсем на тебя не повлияло, дорогая Сирена.

– Я была счастлива покинуть горную Шотландию, потому что предпочитаю элегантность и изысканность английского двора, – объяснила Дайана. – И в один прекрасный день я найду себе мужа по душе, а в Гленкирке это будет нелегко. Кроме того, моя семья почти каждое лето приезжает в гости. А в следующем году ко мне присоединится моя сестра Мэйр.

Герцог тепло улыбнулся племяннице. Дайана Лесли всегда заботится о других. Он никогда не видел девушки более доброй и милой и часто гадал, откуда у нее такой характер. Но когда того требовали обстоятельства, Дайана могла быть сильной и упорной. Так не похожа на его младшую дочь, и все же они быстро подружились, еще с того лета, когда его мать попросила другого сына, герцога Гленкирка, отпустить с ней Дайану. Герцог Ланди всегда надеялся, что та окажет благотворное влияние на дочь, но, кажется, ошибался. Однако тут было и одно светлое пятно: Синара так и не смогла заразить кузину высокомерием.

– У тебя доброе сердце, крошка, – сказал он Дайане.

Синара закатила глаза, но тут же расплылась в улыбке.

– Давайте посмотрим, какую одежду привезла кузина из колоний. Ее дорожный костюм вовсе не так уж плох. Не подумала бы, что эта маленькая колонистка разбирается в модах. Интересно, какие у нее драгоценности? Бабушка наверняка даст ей кое-что. У нее так много украшений! Кстати, вам понравилось то кольцо с рубином, которое она подарила мне на день рождения?

Она в очередной раз повертела кольцом перед родными.

– Пожалуйста, Синара, дай кузине немного отдохнуть, прежде чем начнешь забивать ей голову всякой ерундой, – попросила мать. – У вас еще будет немало возможностей порыться в ее вещах за те несколько недель, что остались перед отъездом ко двору. Фэнси так устала!

– О, ладно, ладно, – с неохотой согласилась Синара. – Поедем кататься, Дайана! Нам нужно переодеться.

– Идите погуляйте в саду, – строго велел отец. – Дайте бабушке побыть с новой внучкой! Все эти годы она так тосковала по Фортейн и сейчас счастлива свидеться хотя бы с одной из ее дочерей.

– Сейчас в саду так хорошо! – вторила герцогиня.

– А на псарне родились щенята, – объявила Дайана.

– Ой! – взвизгнула Синара. Она обожала собак, и отец обещал подарить ей щеночка из следующего помета. – От Беллы?

– Да, – с улыбкой подтвердила Дайана.

– Чур, я выбираю первой!

– Ты ведь знаешь, что я предпочитаю кошек собакам, – напомнила Дайана, и обе девушки поспешили к выходу.

– По-моему, с помощью Дайаны мы спасли Фэнси от нашей дочери, – хмыкнул герцог. – Хотя бы на ближайшее время.

– Фэнси кажется такой грустной, – заметила герцогиня. – Бедное дитя! Надеюсь, она постепенно полюбит нас и станет доверять.

– Ну почему Синара не унаследовала твоего доброго сердца? – вздохнул герцог.

– Она пошла в моего отца. Практична. И подобно моей матери полна решимости всегда настоять на своем.

– Ты редко говоришь о своих родителях, – заметил он.

– Вовсе нет. Мой отец давно мертв, а мать умерла еще до моего первого брака со сквайром Рэндаллом. Она всегда ревновала, завидовала любви отца ко мне и позволила бы этому зверю, своему второму мужу, отдать меня в услужение. И это несмотря на то что я получила приличное воспитание! Я благодарю небо за мадам Скай! Кто знает, что случилось бы со мной, если бы не она!

– Она была замечательной женщиной, – согласился герцог Ланди. – Интересно, что бы она подумала о своих праправнучках, которые так на нее похожи? Заметь, моя матушка с каждым днем все больше напоминает ее.

– Верно, Чарли, – улыбнулась Барбара. – Она не потерпит никаких глупостей со стороны девчонок и, уж конечно, избавит Фэнси от тоски по Мэриленду.

– Скорее всего, – кивнул он, гадая, не стоит ли немедленно подняться вверх.

Фэнси послушно вышла из зала вслед за бабушкой. Она устала, но худшее было позади. Она на удивление легко пересекла океан и добралась от Лондона до поместья родственников. И они понравились ей с первой встречи. Фэнси только сейчас поняла, что она знает о них куда больше, чем они – о ней. Мать никогда не уставала рассказывать о своих английских и шотландских родственниках. Очевидно, братья и сестры были очень ей дороги. Разумеется, в ее памяти они остались молодыми, а сестра Отем – совсем младенцем. Но теперь все они выросли, стали взрослыми, даже малышка сестра, которую Фортейн так и не видела.

Бабушка остановилась перед резной дубовой дверью и, открыв ее, переступила порог. Фэнси последовала за ней. Здесь уже ожидала улыбающаяся Бесс Трухарт. Фэнси обвела взглядом комнату. Какая большая! Правда, стены облицованы старомодными панелями, но есть большой камин, в котором уже пляшут языки пламени. В нише широкого окна в свинцовом переплете помещается сиденье. Стекла закрыты шторами бирюзового бархата с золотой бахромой и завязками. Мебель из хорошо натертого воском дуба показалась ей солидной и удобной. Полы покрыты толстым шерстяным ковром с бирюзово-кремовым узором.

– Какая прелесть! – довольно воскликнула Фэнси и, нагнувшись, понюхала букет поздних роз на столе.

– Это была моя комната, когда я впервые приехала в Куинз-Молверн, – пояснила Жасмин. – Разумеется, с тех пор ее заново обставили.

– Пойдемте в спальню, мистрис, – позвала Бесс. – Там тоже чудесный камин и постель, на которой может улечься целая семья.

Она повела Фэнси в спальню, такую же уютную, как и гостиная.

– Две комнаты? – поразила девушка. – Только для одной меня?

В Мэриленде к такому она не привыкла! Там у каждого была своя комната, но далеко не такая просторная.

– Это называется покои, – пояснила Жасмин. – В знатных домах принято иметь гостиную и спальню.

– Мама никогда не говорила мне о таком, – призналась Фэнси.

– А что она рассказывала об Англии? – спросила Жасмин внучку.

– В основном о своей семье.

Жасмин кивнула:

– Хотелось бы знать, так же сильно она скучала о нас, как мы – о ней? Я до сих пор поверить не могу, что отпустила свое дорогое дитя на край света. Все мечтала, что она когда-нибудь придет навестить нас, но потом начались волнения, и короля Карла казнили. Годы так называемой Республики тоже оказались нелегкими. Я взяла младшую дочь и отправилась во

Францию после того, как мой Джемми погиб за дело Стюартов. Мне было невыносимо оставаться в Гленкирке.

– Мама была очень счастлива, – заверила Фэнси. – Думаю, все изменится только в том случае, если она потеряет отца. По-моему, она так похожа на вас! Во всем! – И Фэнси неожиданно обняла бабушку. – Благодаря вам я почувствовала себя как дома. Спасибо!

– Но, дорогое дитя, – воскликнула Жасмин, – ты моя внучка, пусть даже я впервые увидела тебя сегодня! Я знала тебя, твоих братьев и сестер из писем Фортейн, но должна признаться, что очень рада твоему приезду, хотя причиной его явилась ужасная трагедия. Мы сотрем из твоей памяти весь этот кошмар, моя дорогая Фэнси.

– Что вы об этом знаете? – дрожащим голосом пробормотала Фэнси. Глаза ее мгновенно наполнились слезами.

– Твоя мать рассказала мне все. Никому другому в нашей семье не известны подробности. И не будут известны, пока ты не решишься сама поделиться с ними. Больше об этом мы не станем говорить, дитя мое.

Она заключила Фэнси в объятия и расцеловала в щеки.

– Это Англия, и здесь ты начнешь новую жизнь. Все несчастья остались позади.

Фэнси покрепче обняла бабушку.

– Спасибо, – тихо повторила она. – Я постепенно свыкаюсь с тем, что произошло. Как могла я быть настолько глупой, чтобы влюбиться в человека, недостойного моих чувств? Он был так красив, обаятелен, и все мне завидовали. Как же, виргинский Рэндолф!

– Полагаю, – сухо заметила Жасмин, – в колониях это что-то означает. В отличие от Англии, дорогое дитя. И немало молодых женщин, влюбляясь в идеального мужчину, позже обнаруживали, что в яблочке сидит зловредный червь. Тебе повезло избавиться от этого червя сразу же и начать заново.

– Почему-то образ Паркера в виде зловредного червя помогает мне видеть случившееся в истинном свете.

– Мужчин, дорогая внучка, лучше всего видеть в истинном свете и не обольщаться на их счет, – посоветовала Жасмин. – А теперь я оставляю тебя одну. Бесс принесет тебе ужин наверх, с тем чтобы ты хотя бы сегодня была избавлена от вопросов, которыми, вне всякого сомнения, засыпят тебя кузины. Думаю, тебе нужно отдохнуть как следует, прежде чем оказаться в компании этих плутовок.

– Я уже полюбила их, – откликнулась Фэнси. – Мы так похожи и в то же время очень разные.

– Уверена, что вы станете хорошими друзьями. Я навещу тебя после ужина, дабы убедиться, что все в порядке и ты устроена как следует. Бесс Трухарт наверняка позаботится о тебе.

– Уже позаботилась, бабушка, – кивнула Фэнси. – Как предусмотрительно с вашей стороны выбрать подходящую служанку еще до того, как мы встретились!

– Я уже говорила, дитя мое, что знаю тебя по письмам твоей матушки, – с улыбкой напомнила Жасмин. – Я вернусь позднее.

С этими словами она оставила спальню, и Фэнси услышала, как хлопнула дверь гостиной.

– Хорошая горячая ванна, мистрис Фэнси? – выпалила ворвавшаяся Бесс.

– О да! – обрадовалась девушка.

– Позвольте снять ваши юбки и корсаж, а потом я приготовлю ванну, пока вы немного вздремнете.

Фэнси кивнула. Ах, это звучало так заманчиво!

Она стояла смирно, пока Бесс расшнуровывала корсаж и развязывала юбки. Фэнси выступила из груды тканей, и горничная принялась распутывать ленты, на которых держались нижние юбки.

– Ложитесь в постель, мистрис, – наставляла Бесс. – Когда ванна будет готова, я вас разбужу.

– Но я не засну, – отмахнулась девушка.

– Тогда просто закройте глаза, – предложила служанка и поспешила к двери.

Интересно, какая здесь ванна? – гадала Фэнси, закрывая глаза. Дома она купалась в большой дубовой лохани. Мать всегда отстаивала частые омовения, хотя многие считали ее чересчур большой чистюлей.

Фэнси блаженно вздохнула. Сегодня все были так добры к ней. Герцог и его хорошенькая жена. Бабушка. Кузина Дайана. И Синара. Она еще не видела таких девушек, как Синара. Можно побиться об заклад, что уж Синару бы Паркер Рэндолф не одурачил! Она не вела бы себя как наивная дурочка, пыжившаяся от гордости из-за того, что поймала самого завидного в колониях жениха. Фэнси была уверена, что Синара немедленно раскусила бы Паркера.

На нее снова нахлынули воспоминания о дне свадьбы. Подвенечное платье было таким красивым, и мама подарила ей жемчужную нить! Как достойно выглядел ожидавший у алтаря Паркер!

Как все дети Кайрена и Фортейн, Фэнси получила представление о религиях отца и матери, но никто не принуждал ее к выбору. Сама она, как и Мэв, предпочитала англиканскую церковь. Старшие братья подобно отцу были католиками. Младшие заявляли, что при их кочевой жизни не до церкви, но Фэнси знала, что они просто уклоняются от посещения Божьего дома. Когда-нибудь это изменится, но не сейчас.

И церемония была чудесной, а затем гостей ждало роскошное пиршество. Наконец мать, сестра Мэв и невестки проводили ее в спальню и приготовили к приходу мужа: раздели, натянули шелковую с кружевами сорочку, благословили и вышли, оставив Фэнси в ожидании.

Слезы покатались по бледному лицу девушки.

«Я должна забыть все это, – молча поклялась она себе. – Что было, то было, ничего уж не вернешь. И ничего нельзя изменить. Паркер не любил меня. Он мертв. А мне пора начать все заново».

Боже, до чего же веки отяжелели!

Мысли девушки начали путаться. Она сама не заметила, как уснула.

Глава 2

Она долго отмокала в горячей воде, прежде чем Бесс принесла ужин, а потом уложила ее в постель, где Фэнси проспала до утра. И проснулась оттого, что чей-то горячий язычок вылизывал ей лицо, а рядом громко хихикали. Лениво приподняв веки, она увидела на постели маленького черно-рыже-белого спаниеля. Рядом стояли обе кузины.

– Доброе утро, – улыбнулась она, глядя вилявшего хвостиком пса. – И кто это?

– Это Бо. Дружок Беллы, – пояснила Синара. – Только что стал отцом троих детишек. Бабушка разрешила нам взять по одному. Любишь собак? Дайана предпочитает кошек, но все равно возьмет щеночка. Чур, я выбираю первой!

– Может, было бы учтивее предоставить это право Фэнси, поскольку она только что приехала? – предложила Дайана.

– Но я хочу кобелька, а он только один, – запротестовала Синара и тут же обратилась к Фэнси: – Ты тоже хочешь кобелька?

– Нет, можешь забирать. Предпочитаю особ женского пола: они добрее по характеру да и гораздо смирнее.

– В таком случае вы с Сиреной можете спорить из-за оставшихся, – обрадовалась Синара. – Надеюсь, ты отдохнула. Вставай скорее, и мы покажем тебе Куинз-Молверн. Когда-то он был собственностью Короны, но старая королева нуждалась в деньгах, и наша прапрабабка купила у нее поместье. Чудесный дом, только одно крыло сгорело во время войны, которая приключилась еще до нашего рождения. Папа восстановил это крыло и сделал там великолепную столовую с мраморным бассейном, хрустальными люстрами и изумительными картинами. Бабушка предпочитает старый зал, а я обожаю столовую! Тебе она тоже понравится. Давай, Фэнси, поднимайся!

Она подхватила песика и нетерпеливо дернула за одеяло.

Фэнси рассмеялась. Она была младшим ребенком в своей семье, но, как оказалось сейчас, старше своих кузин на целый год! Все же как прекрасно снова чувствовать себя молодой и беззаботной!

Она вдруг поняла, что родители были правы. Эта ссылка в Англию – именно то, что ей нужно!

– Позовите Бесс! – попросила она кузин. Платья на обеих были очень простыми – совсем не те элегантные туалеты, что она видела вчера вечером. – Нельзя нам поехать кататься попозже? – спросила она.

– Да! – разом воскликнули девушки.

– Мне тоже так одеться? Вы ездите верхом в подобном виде? Наверняка нет, – размышляла вслух Фэнси.

– Накинь на себя что-нибудь полегче, и пойдем бродить по парку, – предложила Синара.

– А позже, перед тем как сесть в седло, можно и переодеться, – вторила Дайана.

– Бесс тебе не понадобится, – заверила Синара. – Неужели не можешь одеться сама, кузина?

Фэнси кивнула:

– Могу, конечно. Только вот не знаю, где моя одежда. Пусть Бесс хотя бы найдет подходящее платье.

– Ну конечно, – рассмеялась Дайана, показывая на шнур сонетки. – Дерни за веревочку, и Бесс появится.

Фэнси последовала совету.

– Что за остроумное изобретение! – восхитилась она. – Я должна написать о нем маме.

– Но как же вы зовете слуг у себя в колониях? – удивилась Синара.

– Наши слуги всегда на месте, когда потребуется. Они, похоже, знают, когда нужны, а если их нет, что же... приходится кричать во всю глотку, – пояснила Фэнси с лукавой усмешкой.

Обе кузины расхохотались, Синара объявила:

– Вижу, мы очень хорошо поладим, Фэнси Деверс!

В комнату вбежала запыхавшаяся Бесс.

– Что угодно, мистрис? – спросила она, приседая. – Наверное, хотите одеться? Сейчас все будет готово. А вы обе кыш отсюда! Можете подождать в гостиной, только не зарьтесь на ее завтрак. Она никуда не пойдет, пока не поест.

Девушки удалились, а Бесс показала Фэнси маленькую смежную со спальней комнатку, где ее одежда висела и лежала в обитых изнутри кедром ларях.

– Судя по виду этих двух, вам нужно что-то полегче, – заметила служанка, вынимая юбку из небеленого льна и белую рубашку. – Как, мистрис, – ахнула она, – да это же мужская сорочка!

– Мне кажется, что скромнее будет надевать с юбкой именно такую. Правда, покрой мужской, но ты сама увидишь, что она сшита специально на меня. А шнуровка здесь из шелковых лент.

Бесс хорошенько осмотрела рубашку.

– Да, она куда меньше мужской. Глядишь, мистрис, вы и заведете новую моду при дворе! – хмыкнула она.

Фэнси умылась в тазике теплой воды, натянула юбку с рубашкой, стянула на тонкой талии черный кожаный пояс и сунула босые ноги в мягкие туфельки из черной кожи. Свои длинные темные волосы она заплела в толстую косу, скрепив ее на конце яркой алой лентой, и вышла в гостиную, где Синара пожирала ее завтрак хищным взглядом.

– Ты сегодня ела? – спросила Фэнси.

Синара кивнула.

– Только я всегда голодна, – пожаловалась она. – Видишь ли, когда я была маленькой, приходилось едва ли не голодать. Это еще до того, как вернулся король. И теперь я никак не могу наесться.

– Тогда позавтракай со мной, – предложила Фэнси. – Мне никак не съесть всего, что принесла Бесс. А ты, Дайана?

– Может, кусочек яблока и немного сыра, – пробормотала та.

Девушки быстро расправились с тем, что стояло на столе, уничтожив свежеспеченный каравай деревенского хлеба, большой кусок острого чеддера, несколько крутых яиц и целую миску яблок, запивая все это душистым горячим чаем. Фэнси уже привыкла к этому напитку и даже успела полюбить.

Когда на подносе ничего не осталось, Синара повела их показать Куинз-Молверн, ибо это был дом ее отца, и, хотя когда-нибудь перейдет к старшему брату Фредди, она все равно будет всегда считать его своим.

Перед покоями бабушки их встретили две сморщенные старушки.

– Это младшая дочь Фортейн! – громко крикнула Синара. – Ее зовут Фэнси!

Старушки улыбнулись и поклонились Фэнси.

– Это Рохана и ее сестра Торамалли, – пояснила Синара кузине, – которые служили бабушке с самого ее рождения.

– Моя мама часто поминала вас добрыми словами, – сказала Фэнси.

– Наша госпожа читала нам все письма, которые посылала твоя мать. Мы хорошо знаем тебя и сочувствуем твоим бедам, – тихо ответила Торамалли. – И я, и Рохана всегда к твоим услугам.

Фэнси нагнулась, взяла руки Торамалли и прижала сначала ко лбу, а потом к сердцу.

– Спасибо, – прошептала она.

– Ай-ай-ай, видать, тебя хорошо выучили, – одобрительно заметила Торамалли. Рохана улыбнулась и согласно закивала. – И ты не вопишь на нас, как эта дочь герцога!

– Но когда я говорю обычным тоном, вы вроде как ничего не слышите! – не стерпела упрека Синара.

– Мы слышим только то, что хотим слышать, – объяснила Рохана. – Преимущество нашего почтенного возраста, миледи.

У Синары сделалось такое изумленное лицо, что старушка невольно хмыкнула.

– Думаешь, если ты Стюарт, все должны почтительно замолкать, стоит тебе открыть рот, но это вовсе не так.

– Можно, мы покажем Фэнси комнаты бабушки? – вежливо осведомилась Дайана.

Сестры дружно закивали и открыли дверь.

– Когда-то здесь жила наша прапрабабушка, – обронила Дайана. – Та, на которую мы, говорят, похожи.

– Здесь родился мой отец! – важно объявила Синара.

– Твой отец родился в кровати, на которой сейчас спит твоя кузина из колоний, – поправила Торамалли. – В то время Куинз-Молверн не был домом нашей принцессы. Тогда здесь правили лорд Адам и мадам Скай. Ты не все знаешь, госпожа!

– Но разве король и королева не пришли навестить моего отца, когда он родился? – запротестовала Синара.

– Пришли, – подтвердила Торамалли. – Король и королева гостили тут неподалеку и приехали посмотреть на твоего папу. Очень они были довольны! Король Яков взял его у твоей матушки и даже подержал немного, но королева Анна немедленно забрала младенца и пожурив короля, что тот держит внука неправильно. Принц Генри, его отец, хотел, чтобы сыну перешли титулы лорда де Мариско, поскольку тот не имел сыновей. Однако старый король заявил, что его внуку пристало быть не графом, а герцогом. Да, я помню все, как будто это было вчера! Я сказала госпоже, что мальчик – истинный Могол, судя по тому, как громко он вопит, когда хочет настоять на своем.

– И не-совсем-царственный-Стюарт, добавила твоя бабушка. – Торамалли визгливо рассмеялась.

– Рохана и Торамалли знают множество чудесных историй о бабушке, дяде Чарли и всей нашей семье, – вставила Дайана. – Обязательно попроси их рассказать. Они знают даже такое, что неизвестно твоей маме.

– У нас не так много времени до отъезда ко двору, – капризно бросила Синара.

– Мы никуда не уезжаем до декабря, – возразила Дайана. – А сейчас только сентябрь. Времени более чем достаточно.

– Но Фэнси еще должны сшить новый гардероб!

– Зачем? – удивилась Фэнси. – Я привезла из Мэриленда все свое приданое, а портные в Уильямсберге знакомы с самыми последними модами.

Синара покачала головой:

– Может, для Уильямсберга и здешних мест этого достаточно, но только не для двора! Мы должны показаться там во всем блеске: в конце концов нужно же нам сделать достойные партии!

– Только не мне! – с чувством воскликнула Фэнси. – Мне еще один муж ни к чему, нет уж, спасибо!

– Кузина, – воскликнула шокированная Синара, – тебе уже шестнадцать, а в следующем году исполнится семнадцать! Если в ближайший год не найдешь себе мужа, будешь считаться слишком старой для любого джентльмена!

– А мне все равно! – напрямик отрезала Фэнси. – Мужчинам нельзя доверять! Я узнала это по собственному горькому опыту. Если не выходить замуж, можно сохранить свободу, а свобода – вещь куда более ценная, чем любой муж!

– Боже! – ахнула Дайана, потрясенная и одновременно завороченная словами кузины.

– Умная женщина всегда может сохранить свободу, имея мужа, – заявила Синара с мудростью, неожиданной для столь юного возраста.

– Хи-хи-хи, – закудаhtала Рохана. – Это кровь Моголов в ней заговорила!

– Если пришли посмотреть покои бабушки, – резко бросила Торамалли, – смотрите и уходите.

Девушки медленно зашагали сквозь анфиладу комнат. Торамалли показала им шкатулки с драгоценностями – огромной и бесценной коллекцией, находившейся во владении Жасмин. Кроме ожерелий, колец, браслетов, цепочек, брошей и серег, здесь имелись тугие мешочки с дорогими камнями. Синара повертела рукой перед носом кузины.

– Видишь мое рубиновое кольцо? Бабушка заказала его на мой последний день рождения. Позволила мне самой выбрать камень, и я нашла вот этот. Обожаю камни в форме слезы! Это рубин цвета голубиной крови. Какой глубокий цвет! Обожаю его! У тебя есть что-то подобное?

– У меня почти нет украшений, если не считать жемчугов, подаренных мамой к свадьбе. Вряд ли я когда-нибудь снова их надену: слишком тяжелые воспоминания они пробуждают.

– О, – обрадовалась Синара, – может, отдашь мне?

– Леди, вы слишком дерзки! – упрекнула Торамалли и обратилась к Фэнси: – Помни, это подарок твоей мамы, дитя мое. Храни его, и пусть каждый раз, когда берешь в руки ожерелье, оно напоминает тебе о доме и твоей дорогой матушке.

– Не попросишь – не получишь, – кисло пробормотала Синара.

– Такая вульгарная жадность не пристала молодой даме из этой семьи, – спокойно парировала Торамалли. – Теперь, когда вы посмотрели покои, бегите и покажите мистрис Фэнси остальной дом.

– Другая бы в ее годы мирно сидела у огня, – проворчала Синара, пока они спускались в зал. – Вечно нос задирает!

– Ты несправедлива, – поспешно вмешалась Дайана. – Торамалли и Рохана были рядом с бабушкой всю свою жизнь. Пусть они служанки, но не простые. С годами они превратились в нечто вроде родственников. И тоскуют по своим мужчинам, в особенности по Адали.

– Мама рассказывала про Адали, – кивнула Фэнси.

– Он уже умер, – вздохнула Дайана, – и Фергус, муж Торамалли, и его кузен Рыжий Хью, который всегда охранял бабушку. Все, кто ей служил, ушли, кроме Роханы и Торамалли.

– Им тоже давно следовало быть на том свете! – не унималась Синара. – Несмотря на возраст, глаза у них острее, чем прежде.

– И слух, кажется, тоже, – поддела кузину Фэнси.

– Пойдем. Увидишь, где все они похоронены, – жизнерадостно объявила Синара.

Они пересекли зал и вышли в сад. Семейное кладбище раскинулось на склоне холма. Оно содержалось в образцовом порядке: трава аккуратно подстрижена, дорожки посыпаны гравием, бордюры пестреют цветами. Ничего ужасного в этом месте не было. Под деревьями даже стояли мраморные скамейки.

– Вот здесь они лежат, – показала Синара.

– Кто? – вырвалось у Фэнси.

– Наша прапрабабка Скай О’Малли и ее шестой муж, наш прапрадед Адам де Мариско, граф Ланди. С ним она прожила дольше, чем с любым из первых пяти. Они состарились вместе, но, говорят, даже в день своей смерти она сияла красотой. Бабушка клянется, что, когда мадам Скай испустила последний вздох, на лице ее играла улыбка, – объяснила Дайана.

– Бабушка обожала ее, – добавила Синара.

Этим вечером, когда все собрались в зале, Жасмин объявила внукам:

– Завтра мы пойдем в кладовые, дорогие. Пора готовить ваш придворный гардероб. И я сама выберу из своих драгоценностей подходящие вещицы для вас.

– Ты избалуешь их, мама, – заметил герцог, впрочем, довольно снисходительным тоном.

– Разумеется, – с улыбкой согласилась Жасмин. – Ты сам знаешь, Чарли, что внуки предназначены именно для этого.

– Я вовсе не балую детей Бри, – запротестовал он.

– Только потому, что они живут в Линмуте и ты не слишком часто с ними видишься, – поддразнила Жасмин.

– Кто эта Бри? – шепотом спросила Фэнси у Синары.

– Моя старшая сводная сестра, графиня Линмут, – тихо ответила та. – Старшая дочь папы от первой жены, которая была убита во время войны. Я почти не знаю ее, потому что она живет в Девоне и, когда я родилась, была уже взрослой.

– Вот как!

До чего же большая семья! Жаль, что она не слушала материнские рассказы немного повнимательнее! И где Девон? Нужно спросить, иначе она будет выглядеть полной невеждой!

Утром девушки пришли в покои бабки, и Жасмин отвела их в кладовые, где хранилось неимоверное количество рулонов ткани. Многие были привезены в Англию еще самой Жасмин в начале века. Стены комнаты были обиты кедровыми досками. И ни одного окна, чтобы материи не выцветали на солнце. Синара жадно бегала глазами по полкам.

– Я всегда хотела попасть сюда, – призналась она, пытаясь взглядом вобрать все сокровища. Наконец она, словно обессилев от впечатлений, опустила ресницы.

– Думаю, – спокойно предложила Жасмин, – каждая должна выбрать один цвет, на оттенках которого мы создадим целый гардероб. Это сразу выделит вас среди остальных девиц, которые прибудут этой зимой ко двору. Фэнси, глубокий бирюзовый цвет оттенит твои прекрасные глаза. У него есть столько полутонов, и у тебя будут все, дорогая моя. Из драгоценностей – только алмазы, жемчуга и персидская бирюза. Ты можешь быть немного посмелее, поскольку старше возрастом и к тому же вдова. Но можно носить и лазурный цвет тоже.

Она повернулась к Синаре.

– А ты, моя гордая и жадная кошечка, будешь неотразима во всех тонах красного. Алый и винный, бордо и малиновый, с алмазами, рубинами и жемчугами. Что же до нашей милой Дайаны... ей пойдут оттенки розового и зеленый тоже, в тон глазам. У тебя будут мои изумруды, алмазы и жемчуга. В них ты станешь походить на нежный бутон.

– Может, мне следует одеться более скромно, бабушка? – встревожилась Фэнси. – Что ни говори, а я вдова.

– Чем меньше напоминать об этом несчастном мезальянсе, тем лучше! – отрезала Жасмин. – Ты не носишь траур по Паркеру Рэндолфу и тем более не скорбишь о нем. К чему лицемерить, дорогая моя девочка? Он был чудовищем!

Синара, видя такой оборот разговора, немедленно воспользовалась возможностью удовлетворить любопытство.

– А что он сделал такого, чтобы выглядеть в твоих глазах чудовищем? – с невинным видом осведомилась она.

– Разве я не запрещала тебе обсуждать трагедию кузины? – строго спросила Жасмин.

– Но ты сама о ней упомянула, – огрызнулась Синара.

– Син! – прошипела Дайана.

– Нет, Дайана, она права. Я упомянула о ней. Но имею на это право в силу своего возраста и данной мне власти. В отличие от тебя, Синара. И впредь ты станешь подчиняться мне, иначе не получишь никаких рубинов, поскольку я знаю, как страстно ты желаешь красоваться в них при дворе, – объявила Жасмин с хитрой улыбкой. Синара рассмеялась:

– Я сделаю все ради этих рубинов, бабушка, но тебе об этом, конечно, известно.

– Значит, мы поняли друг друга, не так ли, крошка?

– В этом вся беда, бабушка. Ты слишком хорошо меня понимаешь, – пожаловалась Синара с легким раздражением, которого, однако, она не посмела показать. Теперь настала очередь Жасмин смеяться.

– Временами ты так напоминаешь меня в такие же лета! – покачала она головой. – Я тоже была готова на все, чтобы поставить на своем, а моя бабушка с такой же решимостью препятствовала мне ради моего же блага. Жизнь не всегда бывает справедливой, как ты, к своему сожалению, рано или поздно обнаружишь. Пока что тебе везло, но фортуна не всегда будет так благосклонна.

– Но ты всегда была удачливой! – возразила Синара.

– Нет, – коротко бросила Жасмин. – А теперь давайте выберем ткани, из которых сошьем для вас великолепные туалеты. Фэнси, дитя мое, здесь есть изумительная парча цвета персидской бирюзы. В платье из этой ткани ты впервые посетишь двор. Поверь, у тебя будут толпы поклонников! Я всегда ощущала пристальное внимание джентльменов, когда надевала платье в цвет глаз!

– Не уверена, что мне этого хочется, – чистосердечно призналась Фэнси.

– Фэнси имеет в виду, что не желает никакого мужа, – пояснила Дайана.

– Разумеется, не хочет. Во всяком случае, пока. Но придет день, когда она встретит своего мужчину и изменит мнение. Первые два моих мужа были предательски убиты, а царственный любовник внезапно умер. Я решила, что приношу одни несчастья любящим меня мужчинам, и поэтому моему возлюбленному Джемми, деду Дайаны, пришлось два года гоняться за мной, – рассмеялась Жасмин. – Но когда он все же догнал меня... Ах...

Она улыбнулась и замолчала.

– Ах? – не удержалась Фэнси.

– Я поняла, что ошибалась, – хмыкнула Жасмин. – И когда-нибудь ты тоже осознаешь это, но пока еще не готова, что вполне понятно. А пока веселись при дворе, как все женщины твоего возраста и положения. О, смотри! Этот лазурный шелк восхитителен!

И так продолжалось весь день. Когда ткани были выбраны и аккуратно сложены в три стопки, Жасмин огляделась. Кладовая была по-прежнему забита материями.

– Они никогда не пустеют! Каждый раз по возвращении наших судов из Индии или Китая сюда приносят все новые сокровища! Все же немало осталось и тех, которые привезла я.

Несколько дней спустя из Лондона прибыл портной, которому были приданы в помощь две швеи, жившие в поместье. В молодости платья Жасмин шила молодая женщина по имени Бонни. Сейчас ее ремесло унаследовали обе внучки. Каждую девушку тщательно обмерили, и закройщик портного принялся кроить ткани, а швеи под руководством самого лондонского мастера скалывали и сшивали выкроенные куски. Потом наступало время примерок и самый ответственный этап – шитье. Когда платье было почти готово, назначалась последняя примерка, и портной каждый раз предупреждал заказчицу, чтобы не набирали ни унции лишнего веса.

Наконец все было готово. Наряды, один лучше другого, висели в кладовой в ожидании того часа, когда слуги начнут складывать их в дорожные сундуки. Швеи поместья успели закончить множество нижних юбок из шелка и фланели, сорочки с широкими пышными рукавами, корсеты на косточках, хотя девушки не особенно нуждались в них, но такова была мода. Кроме того, Синара считала, что они особенно красиво выделяют груди. Корсеты были из тонкого белого шелка, украшенные розовыми шелковыми розетками и такими же шнурками. Каждая девушка имела несколько пар панталон, отделанных кружевами, которые присылались из Франции. Не забыты были и ночные сорочки из тонкого шелка, обшитые кружевами, и шелковые чулки с затейливыми узорами и подвязками в тон.

Жасмин послала за сапожником, который сшил девушкам новые туфельки, сапожки и бальные туфли с усаженными драгоценными камнями каблуками, бантами из лент или эмалевыми пряжками с драгоценными камнями. В то время в моду вошли пантофли, то есть туфельки без пятки, сделанные из мягкой кожи или обтянутые атласом или парчой. У каждой девушки имелись охотничьи сапожки телячьей кожи с отворотами, доходившие до икр. Жасмин рассказала внукам, что, когда жила в Индии, ее царственная ступня измерялась жемчужной нитью. Оставшиеся жемчужины дарились служанке.

Настала пора выбирать аксессуары: тонкие перчатки из надушенной кожи, шали из прозрачного шелка или кашемира, ввозимые компанией «О’Малли-Смолл», зонтики с бахромой, шелковые цветы всех оттенков для украшения волос, шелковые ленты, раскрашенные веера, веера из страусовых перьев, атласные ридикюли. И разумеется, драгоценности.

Жасмин была щедра к внукам, позволяя носить свои лучшие украшения: длинные нити жемчуга, черного и кремово-розоватого, длинные серьги, усеянные драгоценными камнями броши и самые разнообразные кольца. Она советовала девушкам, что лучше выбрать, и позаботилась о том, чтобы все тщательно упаковывалось в шкатулки слоновой кости, обитые изнутри бархатом, и укладывалось в сундуки.

Осень в этом году выдалась сухая, с теплыми, почти летними деньками и прохладными ночами. И с каждым месяцем Фэнси все больше нравилась новая жизнь. Кузины оказались чудесными компаньонками, и все три девушки быстро подружились. Теперь Фэнси казалось просто немыслимым, что они могли так и не встретиться. Даже ее письма к родителям словно стали веселее. А в середине ноября Жасмин объявила, что все семейство через несколько дней отправляется ко двору.

– У твоего дяди есть личные покои в Уайтхолле, – пояснила она Фэнси, – но там едва поместятся он и Барбара. Ты и твои кузины будете жить со мной в Гринвуд-Хаусе.

– Там, где я провела первую ночь в Лондоне? – уточнила Фэнси.

– Да.

– Он ваш?

– Когда-то принадлежал мне. Гринвуд-Хаус был лондонским домом моей бабушки, но его конфисковали во время правления Республики и отдали человеку, известному под именем сэр Саймон Бейтс. Однако позже оказалось, что он был тайным сторонником и шпионом короля Карла. Его настоящее имя – Гэйбриел Бейнбридж, герцог Гарвуд. Муж моей дочери Отем. Таким образом, Гринвуд-Хаус остался в семье, хотя теперь принадлежит Отем. Впрочем, вероятно, со временем я и так бы подарила его ей. Зато всегда останавливаюсь там, когда приезжаю в Лондон, как и моя дочь Индия со своей семьей. Но в этом году никто из них не собирается в столицу. Так что мы будем в Гринвуде одни. Видишь ли, всегда удобнее иметь в Лондоне место, где можешь остановиться. Слишком много народа приезжает на сезон, а для них во дворце просто не хватает комнат. Хозяева соседнего дома – наши родственники, граф и графиня Линмут. Сабрина – старшая дочь твоего дяди Чарли. Во времена Кромвеля она жила в Шотландии вместе со своими братьями, пока ее отец всюду сопровождал своего кузена-короля. Мой сын Патрик и его жена Фланна заботились о них.

– Родители Дайаны! – догадалась Фэнси.

– Верно, – рассмеялась Жасмин. – Скоро, дорогая внучка, ты будешь знать наизусть все фамильное древо!

– Интересно, бабушка, какой он, этот самый двор?

– Целый новый мир для тех, кому выпала удача стать его частью. Туда стекаются богатые и влиятельные и не столь богатые и влиятельные, чтобы людей посмотреть и себя показать и подняться хотя бы на одну ступеньку общественной лестницы, к той цели, которой стремятся достичь. Именно здесь семьи договариваются о браках между детьми, добиваются благосклон-

ности их величеств, существуют в замкнутом кругу избранных. Словом, другого такого места нет на земле.

– Все это кажется волнующим, опасным и немного утомительным, – призналась Фэнси.

– Умница, – одобрительно кивнула бабка. – Все так и есть, и даже больше. Позволь мне сказать откровенно, что ты все еще совершенно невинна во всем, что касается природы человека, несмотря на несчастный опыт с Паркером Рэндолфом. При дворе ты встретишь самых разных людей. Некоторые – именно таковы, какими кажутся. Многие – вовсе нет. Не бойся прийти ко мне, своему дяде или тетке, чтобы попросить совета или помощи. Я не хочу, чтобы ты еще раз пережила то же самое, что в Мэриленде.

– Этого не будет, – заверила Фэнси. – Вы правы, я действительно не разбираюсь в людях, но не стану доверять никому, кроме вас, дяди Чарли и тети Барбары. Я полюбила Син и Дайану, но, несмотря на их мудрые речи, они знают о жизни еще меньше, чем я. Я буду осторожна и постараюсь во всем слушаться вас.

– Счастлива слышать это, – откликнулась Жасмин.

Наконец настал день отъезда. К крыльцу подъехало несколько карет. В три погрузили вещи, еще в двух разместились путешественники. Герцог распорядился взять и верховых лошадей – нельзя же, чтобы девушки с утра до вечера сидели взаперти в душных экипажах! В последней карете ехали слуги. Рохану и Торамалли оставили в поместье: старушки так одряхлели, что просто не вынесли бы тягот пути. На их место Жасмин взяла француженку, когда-то бывшую горничной Отем. Оран находила жизнь на севере довольно скучной, и Отем, поняв, что та несчастна, попросила мать забрать ее к себе в услужение. Оран с удовольствием переехала в Куинз-Молверн и, поскольку оказалась достаточно умна, чтобы обращаться почти-точно с древними служанками госпожи, угождая им или притворяясь, будто угождает, скоро завоевала собственное местечко в хозяйстве герцога.

Жасмин стала прощаться.

– Надеюсь, когда я вернусь сюда в начале лета, вы обе будете меня встречать, – наказала она.

– Будем, – пообещала Торамалли.

Рохана закивала головой, но все же добавила:

– В последний раз, моя принцесса. Мы обе очень-очень стары. А все, кого горячо любили, уже ушли. Кроме вас, конечно.

– Все равно подождите моего возвращения, – мягко попросила она, целуя их морщинистые щеки. – Постарайтесь почаще сидеть в зале у камина. И лучше укрывайтесь по ночам. Не снимайте фланелевых нижних юбок даже в постели.

– С нами будут спать кошки, – закудахтала Торамалли. – Они греют лучше печки. Поезжайте, принцесса, ваша семья ждет вас.

Длинная процессия карет, принадлежавших герцогу Ланди и его родным, выехала из ворот Куинз-Молверна серым утром в конце ноября. Поездка заняла чуть больше недели. Наконец они прибыли в Чизуик-на-Стренде, деревушку, расположенную у самой границы старого Лондона. В парке Гринвуда листья уже опали и толстым слоем устлали землю. Когда экипажи остановились у крыльца, уже темнело.

– Мы с Барбарой отправимся в Уайтхолл, – сказал герцог матери. – Я приеду завтра и расскажу, что происходит при дворе. Думаю, девушкам стоит отдохнуть несколько дней, чтобы предстать во всем блеске во время первого визита.

– Передай его величеству мое искреннее почтение, – велела Жасмин.

– Он неравнодушен к тебе, мама, – ухмыльнулся герцог. – Уж и не знаю, какие чары ты напустила на Стюартов, царственных и не очень.

– А я думала, что это ты и твой кузен умеют очаровывать пожилых женщин, – парировала Жасмин. – Поезжай с Богом, Чарли. Жду тебя завтра.

Карета герцога развернулась и тронулась в обратный путь, направляясь в Уайтхолл, любимый дворец короля. Когда-то он был лондонской резиденцией архиепископа Йоркского. Бывший первоначально обычным двухэтажным зданием, он под эгидой лично выбранного Генрихом VIII архиепископа Томаса Уолси вырос в длину, ширину и высоту, превратившись в чудесный дворец. Богато обставленный, украшенный росписью и скульптурами, он стал предметом вожделения короля. Когда Уолси не оправдал ожиданий Генриха в истории с разводом с Екатериной Арагонской, пришлось отдать дворец в надежде умиловить короля. Генрих назвал дворец Уайтхоллом и проводил там немало времени, тогда как Уолси лишился королевской благосклонности и умер.

Генрих еще более расширил новое приобретение, раскинувшееся на землях между Темзой и дорогой, ведущей в Чаринг-Кросс, к самому Вестминстерскому собору. Перестройка потребовала большего участка, который Генрих и приобрел, но так и не смог перекрыть улицу, отделявшую дворец от новокупленной земли. Поэтому Уайтхолл стал скопищем дворов, апартаментов, галерей и залов и, хотя внешне представлял путаницу архитектурных стилей, внутри был поистине великолепен. Бесконечный лабиринт салонов, покоев и кабинетов был хорошо знаком только слугам, шнырявшим по всему дворцу. Все же здание предоставляло определенный комфорт для всех в нем живущих, не говоря уже о короле: прекрасные сады и широкая пешеходная дорожка вдоль берега, зал для игры в мяч, где леди играли в волан с джентльменами, арена для петушиных боев, где сражались специально выращенные петухи, принадлежавшие королю и знати. Здесь ставились на победителя и проигрывались огромные суммы. Имелись даже теннисные корты, ибо Карл, как его предки, очень любил спорт, и нечто вроде спортивной арены, хотя большинство аристократов предпочитали танцы, кости и карты физическим упражнениям.

В Уайтхолле было трое ворот. Уайтхоллские препятствовали простолюдинам проникать в королевские владения. Королевские и Холбейнские позволяли придворным пройти в парк и находились в противоположных концах дворца. Королевские выходили из парка прямо на улицу. Холбейнские находились прямо рядом с королевским залом приемов. Покойный отец короля намеревался еще раз перестроить Уайтхолл, чтобы придать ему единый стиль, но у его сына не было на это средств. Все же интерьер отличался роскошью, и именно это запоминали люди, описывая Уайтхолл. Все внешнее уродство меркло, когда рассказчик вспоминал изумительные гобелены, резьбу по дереву и камню, лепные украшения, изящную мебель и поразительные картины лучших художников нынешнего и прошлых поколений.

Карета герцога Ланди остановилась в Большом дворе, и ливрейные лакеи тотчас принялись разгружать багаж и открывать дверцу экипажа. Хорошо вышколенные, они сразу узнали королевского родственника и стали низко кланяться. Мажордом велел им нести вещи в покои герцога и приветствовал вновь прибывшего.

– Доложить о вас его величеству? – осведомился он.

– Разумеется, – кивнул Чарли и, взяв жену под руку, направился в свои покои. У двери уже ждал молодой паж.

– Его величество, – начал он с низким поклоном, – желает вашего немедленного присутствия, милорд герцог.

Чарлз слегка поморщился от пронзительного голоса, но все же улыбнулся ребенку, которому на вид было не более семи лет.

– Когда именно?

– Немедленно, милорд.

Герцог вздохнул и, вручив плащ камердинеру, поцеловал жену.

– Не жди меня, – обреченно пробормотал он.

– Не буду, – ответила та с легкой улыбкой.

Чарлз последовал за пажом через прихотливо выющиеся коридоры к королевским апартаментам. Мальчик ввел его в личный кабинет Карла Стюарта, где уже сидел хозяин. При виде кузена он расплылся в улыбке и знаком велел пажу удалиться.

Дождавшись ухода мальчика, он воскликнул:

– Добро пожаловать, Чарли!

– Почему в приемной так мало людей? – удивился герцог, но тут же понимающе кивнул: – А, так у вас снова болит голова, милорд, верно?

– Слишком много людей, кузен, не понимают, до чего же тяжелый труд быть королем. От меня ожидают, что я в любую минуту буду к услугам подданных. Иногда я очень устаю от этого.

Герцог кивнул, налил себе и родственнику изысканного красного вина из графина на буфете и вручил королю кубок.

– Садись, – приказал король, и оба Стюарта устроились перед камином на стульях с высокими спинками, обитых бархатом. – Приходится иногда притворяться, чтобы получить хоть минуту покоя.

– Знаю, и мне следовало бы сразу все сообразить, как только увидел пустую приемную. Придворные терпеть не могут, когда вы их прогоняете. Вы – солнце и луна, вокруг которых вращаются так много созвездий и звезд двора. Они не любят, когда вы для них недоступны.

– Поужинай со мной вдвоем и Расскажи все новости, – попросил король, потянувшись к сонетке.

– Я привез ко двору матушку и трех ее внуков. Решили поохотиться на мужей! – объявил Чарлз, широко улыбаясь.

– Блистательная Жасмин здесь? Чудесно! – воскликнул король. – Самая невероятная старушка из всех, которых я встречал в своей жизни. А девушки? Твоя дочь, племянница, которая жила с тобой последние несколько лет... их я знаю. А третья?

– Младшая дочь моей сестры Фортейн, из колоний, – ответил Чарлз и замолчал, выжидая, что скажет король, но в это время дверь открылась и на пороге появился паж.

– Что прикажете, ваше величество?

– Ужин на двоих, Джорджи. И не беспокоить меня никому, кроме лакеев, которые приносят еду. Никого не впускай!

– Да, ваше величество, – ответил мальчик и снова закрыл дверь.

– Та девушка, что убила мужа? – поинтересовался король.

– Ваше величество, я не знаю правды, – признался герцог.

– Зато твоя мать знает, – хмыкнул Карл. – Уж она не позволит человеку с дурной репутацией переступить порог своего дома, будь он хоть трижды родственником! Она ничего тебе не сказала?

Чарли покачал головой.

– А ведь я спрашивал, – признался он, – но матушка твердит, что только сама Фэнси имеет право поведать о случившейся трагедии.

– Фэнси? – заинтересованно переспросил король.

– Ее христианское имя – Френсис, но в детстве она коверкала его, и получилось Фэнси. С тех пор ее так и прозвали.

– Какая она?

– Похожа и на Синару, и на Дайану, а те пошли в бабку моей матушки. Правда, есть и небольшие различия. Синара унаследовала от матери голубые глаза. У Дайаны – фамильные зеленые глаза Лесли, а у Фэнси – ярко-бирюзовые, как у матушки.

Король тихо ахнул.

– Есть и кое-что другое. У моей дочери и Дайаны – соблазнительные родинки, как у леди Жасмин. Мама называет их пятнышком Моголов. Родинка Дайаны, в точности как у ее

бабушки, примостилась между левой ноздрей и верхней губкой. У Синары она на том же месте, только справа. У Фэнси же вообще ничего нет. И хорошо: иначе их было бы трудно различить.

– Восхитительное прибавление к нашему двору, – кивнул король. – Помню, когда ты в прошлом году представлял мне девушек, их появление вызвало настоящий ажиотаж. Помоему, им даже дали прозвища.

– Да. Дайана стала Сиреной, мою же дочь отныне зовут Син, хотя не уверен, что мне нравятся подобные наименования, – улыбнулся герцог. – И собираюсь достаточно ясно дать понять всем, кто желает уделить внимание моей дочери и племянницам, что не допущу никаких вольностей, а если вы, кузен, присоедините свой веский голос к моему, думаю, мы сумеем избавиться от распутников и охотников за приданым.

Король согласно кивнул:

– Сколько им сейчас, Чарли?

– Синаре и Дайане – пятнадцать, Фэнси – шестнадцать, а в самом начале весны уже исполнится семнадцать.

– Какой чудесный возраст! – обрадовался король. – Женщины, которым перевалило за двадцать, становятся ужасно утомительными, хотя лично я могу вынести даже двадцатипятилетнюю.

– А как поживает миледи Каслмейн? – поддел Чарли царственного кузена.

– Темпераментна и требовательна, как всегда, – мрачно буркнул король. – Однако ее величайший недостаток заключается в том, что с годами она стала интересоваться политикой. Пытается давать мне советы в государственных делах и частенько протестует против моих решений. Мне это не нравится, Чарли. Былая страсть к Каслмейн угасла. Я сделал ее герцогиней Кливленд и наделил наших общих отпрысков титулами и состояниями. И все же она старается вести себя так, словно этих пяти лет не было. Я бы покончил с ней, но ведь она так просто не уйдет! Теперь я стыжусь, что буквально навязал ее Екатерине, когда мы только что поженились.

Чарли ничего не ответил на признание кузена, ибо в свое время откровенно заявил, что некрасиво и неумно унижать таким образом милую и очаровательную португальскую принцессу.

– У меня появился кое-кто еще, – шепнул король, блестя глазами.

– Я и не считал, что ваше величество собирается принять обет целомудрия на этом этапе жизни, – сухо заметил Чарлз. – Вы назовете имя дамы, или мне угадать?

– Ты давно не был при дворе, кузен, и представить не можешь, на кого пал мой выбор. Она актриса. Некая Нелл Гвин. Никогда еще не встречал столь милой девочки.

– В таком случае, кузен, я поздравляю вас с находкой.

– Каслмейн в бешенстве, – фыркнул король. – Пока я не афишировал связей с другими женщинами, она могла делать вид, будто по-прежнему держит мое сердце в своей жадной длани. Теперь же все выплыло наружу, и думаю, что ее влияние рано или поздно ослабеет. Она назвала Нелли маленькой оборванкой, а та ее – фурией. Не представляешь, какие потешные сцены они устраивают на людях! Но Нелли очень почитает королеву. Она хорошая девчонка, Чарли, и понравится тебе.

– Если Каслмейн не любит ее, – честно ответил Чарлз, – значит, я уж точно полюблю.

– У нее невероятно едкое остроумие. Она называет Каслмейн знатной шлюхой, а себя – шлюхой подзаборной. – Король громко рассмеялся.

В этот момент в дверь постучали, и паж впустил слуг с подносами. Они быстро расставили блюда и удалились. Паж закрыл за ними дверь. При этом никто не произнес ни слова. Кузены принялись накладывать еду из блюд, мисок и тарелок, содержавших ледяных устриц, креветок, сваренных в белом вине, бараньи отбивные, большую индейку, фаршированную хлебными крошками, шалфеем и яблоками, артишоки, с которых капало масло, крошечные

картофелинки, хлеб и сыр. На буфете красовалось блюдо с яблоками, испеченными с сахаром и корицей и густыми золотистыми сливками. Чарли налил еще вина. Мужчины с аппетитом принялись за еду.

– Расскажи побольше о Фэнси, – попросил король, энергично жуя. – Слухи, распространяемые лордом и леди Толливер, на мой взгляд, совершенно непристойны.

– Учитывая то, что Толливеров на свадьбе не было и никто не знакомил их ни с Рэндолфами, ни с Деверсами, я бы не обращал внимания на все их измышления. Их не посвящали в семейные тайны этих двух родов. Помните, кузен, мою племянницу никогда не обвиняли в преступлении и не вызывали в суд вашего королевского величества. Случившееся, несомненно, стало трагедией для всех, кого оно коснулось, и оба семейства решили молчать.

– Она тоскует? – допытывался король.

– Сейчас уже меньше. Фэнси – молоденькая девушка, как ее кузины, однако уже успела встретиться с бедой. Твердит, что больше не выйдет замуж, но, думаю, все изменится, когда она найдет благородного человека, который ее полюбит. Покойный муж, очевидно, пользовался немалым успехом. Фэнси призналась, что его считали самым красивым мужчиной в колониях. Не пойму, почему мой зять согласился на этот брак. Вероятно, как все имеющие дочерей отцы, обожал и баловал ее.

– Никогда не думал, что придет такой день, когда ты появишься при дворе в роли опекуна трех молодых девушек, – усмехнулся король. – Помню тебя галантным молодым человеком, ухаживавшим за прекрасной Бесс.

– Это было давно, – вздохнул Чарли. Лицо его на мгновение погрузнело, но он тут же тряхнул головой, словно пытаясь избавиться от тяжелых мыслей. – Мы с Барбарой родились в один день, так что семнадцатое сентября этого года мы встретим уже пожилыми людьми. Нам обоим хорошо за пятьдесят, и ничего тут не поделаешь. У вас хорошая память, ваше величество, если вы помните те беспечные дни.

Король усмехнулся.

– Передай мне блюдо с яблоками, – велел он и, получив лакомое блюдо, положил себе два яблока и залил сливками.

– Самые простые блюда иногда бывают вкуснее сложных, – заметил Чарльз, следуя его примеру.

– Твои девушки здесь, в Уайтхолле? – осведомился король, сунув в рот ложку.

– Нет, в Гринвуд-Хаусе, с мамой. Отем и Гейбриел никогда не бывают в Лондоне, но, пока дом принадлежит им, здесь живут все, кто приезжает в столицу.

– А как там Отем?

– Стала настоящей сельской жительницей, преданной матерью и хлопотливой хозяйкой. У нее уже пятеро малышей от Гейбриела, – засмеялся Чарли. – Ее старшая дочь-француженка, мадемуазель д'Олерон, живет в своем поместье в Клермоне. Маделайн – истинная дочь своего отца и любит Францию гораздо больше Англии. Что же до Марго, дочери короля Людовика, та по-прежнему живет с Отем. Но Людовик сказал, что, как только девочке исполнится двенадцать, он потребует ее к своему двору. Она тоже больше француженка, чем англичанка. Уже проводит большую часть времени в Клермоне, с сестрой. Отем трудно отпускать их от себя, но Мэдди уже четырнадцать, и ей скоро придется выбрать мужа. Поговаривают о молодом наследнике Аршамбо. Если это свершится, тогда оба поместья можно будет объединить, – объяснил Чарли.

Король кивнул. Он хорошо понимал подобные вещи. Именно таким образом богатые остаются богатыми. Именно таким образом достигаются влияние и могущество.

– Отем была восхитительной любовницей, хоть и на короткое время. Что за манеры! Что за воспитание! Что за стиль! Она знала свое место и умела вовремя и с достоинством удалиться. Я всегда восхищался этими ее качествами.

– Ваше величество знает, что она намеренно обольщала его? – спросил Чарлз. Прошло немало времени, но ему всегда становилось неловко при воспоминании о выходке сестры.

– Ах, кузен, – рассмеялся король, – мне до сих пор трудно определить, кто кого обольстил.

– Она хотела титул и дом, – вздохнул Чарли. – Мне трудно представить, что женщина может быть настолько откровенной в достижении цели.

– И я наградил ее всем, что она пожелала, – усмехнулся король.

– А если бы Гейбриел не попросил ее руки? – поинтересовался Чарли.

– Но он попросил. Я бы сдержал слово при любых обстоятельствах, Чарли. У меня слабость к сговорчивым леди, и это знают все на свете.

– А дамы из моей семьи, похоже, имеют слабость к Стюартам.

– Это верно, – признал король.

Неожиданно за стеной поднялся шум. Дверь распахнулась, обнаружив королевского пажа, пытавшегося удержать герцогиню Кливленд.

– Черт побери, Джорджи, – раздраженно протянул король, – это еще что такое?

– Я слышала, что вы больны, – процедила Барбара Вильерс, леди Каслмейн, отстраняя мальчика. – Но на мой взгляд, вы кажетесь вполне здоровым.

Чарлз поднялся и поклонился герцогине Кливленд.

– Барбара! Я слышал, вы удалились от двора, и посчитал, что вы чудесным образом обрели мудрость, как и подобает в ваши лета.

– На вашем месте, милорд герцог, я не стала бы упоминать о возрасте, – огрызнулась леди Каслмейн. – Вряд ли вы сами можете претендовать на близкое знакомство с юностью.

– Я не посылал за вами, Барбара, – вмешался король.

– Что?! – взвизгнула она. – Посылают за служанками, сир, а я герцогиня. Было время...

– И давно прошло, моя дорогая леди, – как всегда, бросился на защиту кузена Чарли и, встав, предложил ей руку. – Могу я проводить вас куда пожелаете, мадам?

– Ублюдок! – прошипела она.

– Но, мадам, это и без того все знают. Тут нет никаких тайн. Вы просто подтвердили очевидное, – издевательски пропел Чарли. Он никогда не любил эту сварливую, скандальную особу и теперь злорадствовал, видя, что король дал ей отставку.

Дверь снова распахнулась. На пороге стояло самое очаровательное создание на свете: личико сердечком, полные губки, завлекательные ямочки на щеках, коротко стриженные каштановые локоны, блестящие зеленовато-карие глаза. Несмотря на то что она походила на мальчишку, округлости фигуры были вполне женственными.

– Разве мы собирались забавляться втроем, дорогой? – с невинным видом осведомилась она, широко раскрыв глаза. Чарли заметил, что на ней была одна лишь непристойно прозрачная ночная сорочка из черного шелка, щедро украшенная кружевами.

Маленький паж взирал на эту сцену с раскрытым ртом. Но тут герцогиня Кливленд осыпала короля градом оскорблений. Даже Чарли был поражен изобретательностью и красочностью ее лексикона. Схватив разъяренную ведьму за руку, он силой вытащил ее из королевских покоев.

– Замолчите, мадам! – прогремел он.

– Как вы смеете?! – завопила леди Каслмейн и, размахнувшись, закатила ему пощечину. К ее великому удивлению, герцог парировал удар и приказал королевскому гвардейцу:

– Его величество желает, чтобы эту женщину немедленно увели из дворца. Сегодня ночью вход для нее запрещен.

С этими словами он повернулся и отошел. Вслед ему полетел пронзительный крик:

– Вы еще об этом пожалеете, милорд!

Не-совсем-царственный-Стюарт круто повернулся. Янтарные глаза зловеще сверкнули:

– Нет, мадам, если кто и пожалеет об этой сцене, так это вы. Неужели у вас совсем нет стыда? Ваше время кончилось. Имейте достоинство удалиться без скандала, прежде чем станете объектом публичного презрения. Нет ничего более позорного, чем открыто брошенная фаворитка короля. Где ваша гордость? Или вы давно с ней распростились? Я не могу поверить в это, так что скорее всего вы просто глупы, как утверждают окружающие.

На секунду лицо леди Каслмейн смертельно побледнело и тут же залилось багровой краской. Губы беззвучно шевелились. Она подняла было кулак, но рука тут же упала. Наконец она повернулась и устремилась прочь, преследуемая по пятам королевским гвардейцем, спешившим выполнить повеление его величества и вывести ее из дворца.

Чарли сильно потер лицо. У этой сучонки тяжелая рука.

Однако он тут же улыбнулся. Ему нравилась сельская жизнь в Куинз-Молверне, но, кровь Христова, до чего же хорошо вернуться ко двору!

Глава 3

Король развалился на своем резном, обитом парчой троне, разглядывая гостей, входивших в зал приемов. Сегодня на нем были костюм фиолетового бархата, чулки кремового шелка, вышитые золотыми букетами, и подвязки из золотой парчи с огромными розетками, в центре которых сверкали бриллианты. Такие же розетки украшали его туфли. Рядом сидела королева Екатерина Португальская, дама милая и добрая, но, на взгляд мужа, не слишком красивая. Все же ее общество всегда было приятно, а единственный недостаток заключался в неспособности иметь детей и дать королю законного наследника. Вина, очевидно, лежала на ней, поскольку у короля было великое множество бастардов, как от знатных, так и незнатных женщин. Бедняжка Екатерина, однако, была не способна зачать. Правда, раз-другой в ней загорался огонек надежды, но все кончалось ничем. Его жена бесплодна. Ему следовало бы развестись с ней и жениться снова. Вся Европа посчитала бы это совершенно справедливым, но Карлу слишком импонировали нежность и покорность жены. Что, если новая супруга в отличие от прежней не захочет смотреть сквозь пальцы на бесконечные измены мужа? Кроме того, у короля был наследник в лице брата Джеймса, герцога Йоркского, чья жена уже подарила ему двух сыновей.

Внимание короля внезапно привлекло пятно яркого бирюзово-голубого цвета. Он присмотрелся. Так и есть, кузен Чарли вместе со своей семьей как раз входил в зал, ведя под руки двух дам: элегантно одетую вдовствующую герцогиню Гленкирк и столь же грациозную жену Барбару. За ними следовали три молоденькие девушки. Именно среди них была та, что в бирюзовом. Король узнал в той, на ком было алое платье, дочь Чарли. Темно-розовое на редкость идет девочке Гленкирк. Значит, особа в бирюзовом бархате с серебряными кружевами и есть мистрис Френсис Деверс, имя которой у всех на устах.

– Я вижу герцога Ланди, – пробормотала королева, – и узнаю всех, кроме дамы в голубом. Кто это, сир?

– Его племянница из колоний, мистрис Деверс, – шепнул он в ответ. Что за красавица! Похожа на кузин и все же в чем-то другая!

– Убийца?! – потрясенно ахнула королева. – Герцог пользуется вашим к нему расположением!

– Нет, дорогая. Я уже говорил с Чарли. Хотя подробности случившейся трагедии и скрыты от всех, кроме прямых участников, ей не предъявляли обвинений. Можешь быть уверена, что леди Жасмин не взяла бы девушку под свое крыло, будь тут дело нечисто. Заметила, как она похожа на кузин? До чего же очаровательная картина!

– Но леди Толливер сказала... – начала королева и осеклась при виде повелительно поднятой руки мужа.

– Чарли заверил меня, что Толливеры не присутствовали на свадьбе мистрис Деверс и ни с кем из семьи не знакомы. Они просто повторяют сплетню, которую слышали, когда навещали в Уильямсберге свою дочь. Я уже послал секретаря с приказом поговорить с ними и предоставил возможность выбора: либо они прикусят свои злые языки, либо покинут двор. Я должен был бы сам прогнать их, но, боюсь, это только даст пищу новым слухам. – Король погладил жену по руке. – Ты, разумеется, вольна принять любое решение, дорогая, после того как поговоришь с мистрис Деверс. И я надеюсь, что ты поделишься своими мыслями со мной. Ты знаешь, как я ценю твое здравое суждение в подобных вещах.

Королева зарумянилась, на мгновение став почти красавицей.

– Отсюда она не выглядит чересчур опасной, сир, – тихо согласилась она.

– Нет, – засмеялся король, – не выглядит.

Зато ее губки так и просят поцелуя.

Темные глаза хищно прищурились. Нужно подумать... Они в прямом родстве? Нет, вообще ни в каком. Ее мать – Линдли. Отец – сын какого-то мелкопоместного ирландского дворянина. И все же она – племянница его кузена. Но вдова и не девственница.

Ее красота влекла его, однако он достиг возраста, когда в любовнице ищут чего-то большего, чем красота.

– Сир, они идут сюда, – вернула его к действительности королева.

Не-совсем-царственный-Стюарт заметил оценивающий взгляд своего кузена. Заметил и распознал: слишком хорошо он успел узнать значение этого взгляда. Но он предназначен не Синаре и не Дайане... Кровь Христова!

Он тут же выбросил из головы страшное подозрение. Разумеется, королю не терпится узнать тайну Фэнси, тем более если вспомнить о скандале, окружавшем ее имя. Это всего лишь любопытство, ничего более. У короля уже есть восхитительная новая любовница.

Достигнув подножия трона, герцог Ланди низко поклонился.

– Повелитель, – учтиво произнес он и, взяв изящную ручку королевы, поцеловал. – Моя госпожа!

Король с приветливой улыбкой встал.

– Кузен! – воскликнул он, словно не виделся с Чарли много месяцев. – Добро пожаловать ко двору!

Сегодня Карл был неотразим в костюме фиолетового бархата. Пуговицы на длинном, доходившем до бедер сюртуке были сделаны из бриллиантов, обрамленных филигранной золотой оправой. Кружевные жабо и манжеты переливались золотом. Темные густые локоны падали на широкие плечи. Даже спустившись с трона, он казался на голову выше всех присутствующих.

– Ах, мадам, – вкрадчиво начал он, целуя руку Жасмин, – будь я только лет на десять постарше...

Не всякая женщина была способна равнодушно выдержать взгляд этих горящих глаз.

– А я на шестьдесят лет моложе, ваше величество... – искренне рассмеялась Жасмин. – И все же вы обладаете силой зажигать огонь в моем старом сердце, ибо я всегда питала слабость к Стюартам, свидетельством чему служит мой сын.

– Вижу, вы не потеряли своего остроумия, мадам, – восхищенно заметил король и обратился к герцогине Ланди. – Моя любимица Барбара! – объявил он, целуя ей руку.

– Ваше величество, здесь есть другая дама, которая может претендовать на этот титул, – запротестовала герцогиня.

– Уже нет, – бросил король небрежно, так что окружающие наверняка услышали. – Темно-зеленый идет вам, мадам. А вы, Синара? Добро пожаловать во дворец, моя прелестная кузина. И вы тоже, милая Сирена. Но среди вас есть дама, с которой я еще не знаком.

– Моя племянница, мистрис Френсис Деверс из колоний, сир, – объявил Чарли. – Но те, кто знает и любит, зовут ее Фэнси. Не знаю, встречались ли вы, сир, с моей сестрой Фортейн. Фэнси – ее младшая дочь.

Король взял руку Фэнси в теплые ладони:

– Моя дорогая Фэнси, я рад, что вы вернулись домой, в Англию.

Он поцеловал ее тонкие пальчики, но не отпустил.

– Пойдемте, дорогая, я представлю вас королеве.

Фэнси на какой-то момент забыла о необходимости дышать. Синара сказала, что король очарователен, и оказалась права. Вспомнив об этикете, девушка присела и смущенно пробормотала:

– Ваше величество так добр. Благодарю вас, сир.

Когда он привел ее к королеве, Фэнси снова сделала реверанс:

– Какая честь для меня быть представленной вашему величеству! Я и не мечтала, что увижу когда-нибудь свою королеву.

Она застенчиво улыбнулась.

«Бедное дитя, она еще дальше, чем я, от тех, кого любит...» – подумала королева, протягивая унизанную кольцами руку, которую Фэнси немедленно поцеловала.

– Мы счастливы приветствовать вас в Англии и при дворе, мистрис Деверс, – приветливо кивнула королева и тут же произнесла довольно рискованную фразу: – Надеемся, что скорбь нескольких последних месяцев забудется в обществе родных и друзей. Вы желанная гостья в моих покоях, мистрис Деверс.

Ошеломленная, Фэнси не совсем поняла, что имела в виду королева, но все же у нее хватило ума сообразить, что монаршее одобрение получено.

– Благодарю, ваше величество, и, поверьте, ваша доброта меня сразила.

– И мое благоволение всегда с вами, – тихо прошептал король, целуя ее руку в последний раз, прежде чем выпустить.

С другого конца комнаты за этой прелестной сценкой с кислым видом наблюдала Барбара Вильерс, леди Каслмейн.

– Он уже планирует ее обольщение, – прошипела она стоявшему рядом джентльмену.

– Дорогая кузина, – отвечал герцог Бекингом, – не могла же ты ожидать его вечной привязанности? Ты и без того удерживала его дольше остальных. Получила богатство и положение для всех своих детей. Чего еще желать? Ты никогда не станешь королевой, Барбара. Даже ты могла бы уже это осознать.

– В последнее время его так и тянет в грязь, – пробормотала Барбара. – Сначала эта шваль из сточной канавы, именующая себя актрисой, теперь волоокая колонисточка.

Джордж Вильерс, герцог Бекингом, только рассмеялся ее досаде.

– Нелл Гвин очень забавна, что же до племянницы Чарли, она только что прибыла, и скандальные слухи тянутся за ней шлейфом. Король просто сторает от любопытства, и ничего более. Но если даже это не просто любопытство, какое тебе дело, дорогая кузина? Больше это не твоя забота. Взгляни в глаза правде и смирись. Король покончил с тобой.

– Он ищет женщин помоложе, чтобы убедиться в собственных силах и доказать себе, что старость еще далеко. А мне уже двадцать шесть.

– Да, первый цвет юности уже облетел, но ты все еще красива и, стоит лишь пожелать, нашла бы себе богатого мужа.

– Не нужен мне муж, – отрезала она. – Зачем такое бремя? У меня был царственный любовник, и всякий другой в сравнении с ним покажется ничтожеством, стоящим куда ниже! Как могу я стать чьей-то любовницей, после того как спала с королем?! К хорошему быстро привыкаешь, а этот подонок отбил у меня вкус к другим мужчинам! И я ненавижу его за это!

– Тебе необязательно быть любовницей, Барбара. Устрой свою жизнь, как пожелаешь. Сама бери любовников, много и разных. Тогда ни один мужчина не сможет сказать, что ты принадлежишь только ему и только он владеет королевскими объедками.

– Как ты смеешь говорить со мной в таком тоне! – почти взвизгнула Барбара так пронзительно, что стоявшие рядом с ней и герцогом стали оборачиваться.

– Тише, милая кузина, – прошипел он. – Надеюсь, ты не желаешь привлечь внимание придворных сплетников, особенно теперь? Не дай бог тебя начнут жалеть.

– Ты иногда бываешь таким грубияном, Джордж, – тихо сказала она, снова взглянув на короля, продолжавшего следить за кузеном и женщиной в голубом. – Кровь Христова, Джордж! Ты видел драгоценности колонисточки? Я уверена, что все это принадлежит ее бабке. У старой вдовы невероятно богатая коллекция украшений! Помню, я видела ее однажды, когда была ребенком. На ней были рубины величиной с яйцо малиновки! Интересно, кто унаследует ее богатство?

– У нее много родных, – объяснил герцог Бекингем.

– Но есть же такие счастливицы, которым удастся жениться на этих девчонках! – выпалила леди Каслмейн, наблюдая, как предметы ее зависти удаляются от трона.

– Заметила, как он на тебя смотрел? – прошептала Синара Фэнси. – Когда ты присела, его глаза так глубоко нырнули в твой вырез, что я думала, он уже больше не сможет их поднять.

– Честно говоря, его взор опалил меня, – призналась Фэнси. – Он не красив, и все же есть в нем что-то влекущее. Взгляд его просто завораживает, однако я почувствовала в нем и доброту.

– Да, говорят, к своим женщинам он более чем добр, – продолжала Синара.

– И чудесный любовник, – поддразнила ее Фэнси. – Хотя для меня остается тайной, откуда все это может быть известно девице из хорошей семьи.

Она озорно дернула темно-каштановый локон кузины.

– Во всякой сплетне есть доля правды, а я люблю посплетничать, – ухмыльнулась Синара. – Кроме того, у него немало бастардов... сыновей и дочерей. Он признал всех и наделил титулами и деньгами. Женщины, которых он любил, обожают его, если не считать леди Каслмейн, которую он бросил ради актрисы.

– Господи, – рассмеялась Фэнси, – откуда ты все это узнала?

– Я умею слушать, – усмехнулась Синара, но тут же, став серьезной, вздохнула: – Кровь Христова! Дайана уже окружена поклонниками. И ты еще удивляешься, что ее прозвали Сиреной? Между нами тремя почти нет разницы, и все же они летят на нее, как пчелы на мед! Не понимаю, Фэнси! Что в ней такого, чего нет в нас?

– Ну, – задумчиво протянула кузина, – ты славись гордостью и острым язычком. Меня считают убийцей, и я никому здесь не известна. Наша милая кузина, напротив, отличается невероятным обаянием и идеальным характером.

– Но я Стюарт! – запротестовала Синара.

– Следовательно, почти недостижима, – пояснила Фэнси.

– В таком случае что толку иметь модные платья и бабушкины драгоценности, если никто не обращает на меня внимания? – пожаловалась девушка.

– Не волнуйся, обратят на нас обеих, – пообещала Фэнси. – Мы обе красивы и богаты – качества, которые благородные джентльмены находят наиболее привлекательными в незамужних девушках. – Она вдруг горько усмехнулась. – Но води игру осторожно и не слишком доверяйся поклонникам, Син, – посоветовала она. – И никогда не верь тому, что говорят мужчины, если не хочешь кончить, как я, и стать навсегда несчастной.

Второй раз за вечер ей захотелось плакать. Она нетерпеливо смахнула слезы с ресниц. Синара заметила это, но ничего не сказала.

– Пойдем, – позвала она. – Нечего отдавать Сирене всех джентльменов. Кроме того, она не слишком хорошо представляет, что с ними делать. Давай поделим ее добычу!

– Договорились, – улыбнулась Фэнси и, взяв под руку Синару, направилась к третьей кузине.

Королевский прием длился до полуночи. Гости сплетничали, танцевали, играли в карты. Так ознаменовалось начало сезона. Кузины договорились, что, когда все закончится, они встретятся с бабушкой в парадном дворе, где будет ждать экипаж, и сейчас вместе шагали через весь дворец к условленному месту. Неизвестно откуда взявшийся джентльмен, вежливо поклонившись, сказал Фэнси:

– Я Уильям Чиффинч, мистрис Деверс. Король приглашает вас к ужину.

Прежде чем Фэнси успела ответить, вмешалась Синара:

– О небо! Вы должны сказать его величеству, что моя кузина, к величайшему сожалению, не сможет принять его приглашения, поскольку мы должны немедленно встретиться с бабушкой, вдовствующей герцогиней Гленкирк.

– Однако, – добавила Фэнси, приседая, – его величество окажет мне огромную честь, если повторит приглашение, принять которое я буду более чем счастлива.

– Разумеется, мадам, – кивнул доверенный слуга короля и, снова поклонившись, отошел.

– Король пригласил тебя на ужин, и ты отказала? – ахнула Дайана, пораженная дерзкой смелостью кузины.

– Глупая гусыня! – поддела Синара. – Когда король приглашает даму на ужин, это означает, что она пойдет на десерт. Сегодня он увидел Фэнси впервые, так что если не получит ее, его пыл разгорится во сто крат сильнее. Многие молодые женщины потеряли честь и репутацию, поскольку, с готовностью приняв первое приглашение, настолько наскучили королю, что не получили второго.

– Странно, что он вообще выбрал меня, – пробормотала Фэнси.

– Ты красива и к тому же вдова, – пояснила Синара. – Королю в голову не пришло бы приглашать невинных девушек вроде меня или Дайаны.

– Судя по тому, какие советы ты даешь нашей кухне, я не раз сомневалась в существовании этой самой невинности, – бросила Дайана. – Откуда тебе столько известно о мужчинах и их повадках?

Синара покачала головой:

– Не знаю, настолько ли я умна, но мне кажется, что в общении с джентльменами большую роль играет здравый смысл. Когда легко получаешь желаемое, сразу теряешь всякий интерес. А мужчины, как я заметила, в душе остаются прежними мальчишками, постоянно жаждущими чего-то волнующего. А что волнующего можно найти в легко доставшейся добыче? Кстати, Фэнси, ты удивила меня, заявив, что примешь приглашение его величества в следующий раз. Это правда?

– Да, – спокойно призналась кузина.

– А я считала, что с мужчинами у тебя покончено, – удивилась Синара.

– Я говорила, что не хочу мужа, – поправила Фэнси, – и предпочитаю быть любовницей короля, чем замужней женщиной. Фаворитка, как мне кажется, сохраняет свободу до тех пор, пока верна любовнику. Кроме того, я бы с большим удовольствием стала любовницей короля, чем обычного человека. Король показался мне добрым.

– А вот тут миледи Каслмейн может с тобой не согласиться, – ухмыльнулась Синара. – Король порвал с ней, и она вне себя от злости.

– Я не знаю всей ее истории, – заметила Фэнси, – но она в постели короля обеспечила будущее свое и детей. Все они богаты и титулованы. Будь у нее хоть капля здравого смысла, она сама отошла бы в сторону и сохранила дружбу короля, вместо того чтобы злить его, закатывая истерики.

– Но, Фэнси, – встревожилась Дайана, – разве мы не лучше миледи Каслмейн? Неужели тебя больше влечет шаткость положения любовницы, чем достойное место супруги порядочного человека?

– Жена и любовница находятся в одном положении: на спине, – хихикнула Синара.

– Син! – упрекнула Дайана, краснея.

– Не расстраивайся, милая кузина, – утешила Фэнси. – Нет никакой гарантии, что король, получив отказ, снова пригласит меня на ужин.

Они подошли к карете, где уже сидела Жасмин. Ливрейные лакеи помогли им усесться, и дверца закрылась. Колеса экипажа загремели по булыжной мостовой.

– Король пригласил Фэнси на ужин! – выпалила Синара.

– Неужели?

«Должно быть, я старею, – подумала Жасмин, – если ничего такого не заметила».

– И ты, разумеется, отказала ему?

– В этот раз.

– А я думала, что ты когда-нибудь снова выйдешь замуж. У королевской любовницы нет будущего. Во всяком случае, блестящего.

– Я нахожу эту судьбу куда более предпочтительной, чем любое замужество. Король очень привлекателен, и, по слухам, он великодушен к тем дамам, которые сумели ему угодить.

– Это так, – кивнула Жасмин, – а если родишь ему дитя, король его признает. Насколько мне известно, Стюарты никогда не отказываются от своих отпрысков. Твой дядя подшучивал надо мной, но, похоже, был прав, утверждая, что Стюарты питают слабость к женщинам из нашей семьи. Когда-то я была любовницей принца Генри, а твоя тетя Отем пусть и недолго, но все же лежала в постели короля. Ты ничуть ее не напоминаешь, и, значит, привлекательность кроется не в семейном сходстве. Но давай подождем и посмотрим, возбудил или охладил аппетит короля твой отказ. – Она взглянула на двух других внучек и строго наказала: – Вы никому и ничего не скажете, понятно? Дайана, на тебя я могу положиться. Но, Синара, моя маленькая сплетница, если ты распустишь язык, можешь причинить огромный вред не только кухне, но и всему семейству. Надеюсь, понимаешь почему, милая девочка?

– Да, бабушка, я буду молчать, – пообещала Синара, – даже папа с мамой не узнают.

Взгляды бабки и внучки встретились.

– Вижу, ты все поняла, – довольно пробормотала Жасмин и, откинувшись на сиденье, закрыла глаза. – Я слишком стара, чтобы оставаться на ногах едва не всю ночь, – объявила она. – И поскольку вас представили королю, могу спокойно оставаться дома. Пусть Чарли и Барбара приглядывают за вами. Впрочем, я могу посетить один из маскарадов. Во времена короля Якова давались чудесные маскарады, и я веселилась до упаду.

Она, казалось, задремала, потому что остаток пути не произнесла ни слова.

– Почему бабушка не хочет, чтобы дядя Чарли и тетя Барбара узнали о приглашении короля? – спросила Дайана, когда девушки, сбросив туфли, уселись в гостиной Фэнси.

– Потому что тогда папа поговорит с королем, напомним о долге перед семьей, и его величество скорее всего больше не пригласит Фэнси, а кроме того, ужасно разозлится на папу за то, что встал у него на дороге, а заодно и на Фэнси за отказ поужинать. А вот если король снова пригласит кухню и та угодит ему, значит, ее судьба здесь, в Англии, будет самой завидной.

– Я рада, что король не заинтересовался мной, – вздохнула Дайана. – Все поклонники ужасно меня смущают, а уж если бы сам король... я не знала бы, куда деваться от конфуза.

– В тот день, когда родители оставили ее здесь с просьбой превратить из неотесанной шотландской девчонки с гор в настоящую леди, она сказала, что больше всего на свете жаждет увидеть короля, – со смехом заявила Синара.

– Да, и не стыжусь этого! Но у меня в мыслях не было стать его любовницей! – возразила Дайана. – Мне нужен муж. Я просто никак не могу решить, кого выбрать.

– Мы только что приехали, – отмахнулась Синара. – Еще будет время принять решение. А пока наша обязанность – веселиться.

– Когда мы снова поедem ко двору? – поинтересовалась Фэнси.

– Завтра, как только проснемся, – пояснила Синара. – Возможно, мы еще успеем принять участие в полуденной прогулке по берегу реки. Фэнси, не может твоя Бесс привезти нам вечерние наряды? Тогда мы переоденемся в папиных покоях. Родители наверняка нам позволят. Какое удобство, что они живут в Уайтхолле!

– Я привезу туалеты и помогу вам одеться, – пообещала Бесс. – Но теперь вам нужно идти к себе и отдохнуть. Не хотите же вы завтра ходить с фиолетовыми кругами под глазами, красавицы мои? Ведь вы стремитесь стать самыми неотразимыми молодыми дамами при королевском дворе!

– До чего ты рассудительна! – восхитилась Синара. – Жаль, что бабушка приставила тебя к Фэнси, а не ко мне.

– Миледи Жасмин знала, что я в отличие от доброй Эстер не потерплю ваших проделок! – язвительно бросила Бесс.

Фэнси и Дайана рассмеялись, но Синара тут же надулась.

– Ты скорее всего права, хотя такая дерзость недопустима! – отрезала она, выплывая из комнаты.

Дайана поцеловала кухню и, весело подмигнув, последовала за Синарой.

После их ухода Бесс проводила хозяйку в спальню.

– Ну как, госпожа, вы стали первой красавицей двора? – спросила она, принимаясь расшнуровывать корсаж.

– Король пригласил меня на ужин, – тихо призналась Фэнси, – но это пока секрет. Не пересказывай своим подругам то, о чем мы с тобой беседуем.

– Даю слово, госпожа, – кивнула Бесс.

– Если за первым приглашением последует второе и я его приму, мне будет слишком неловко рассказать об этом кузинам. Дайана и без того немного шокирована таким оборотом дела.

– А леди Синара небось раздулась от самомнения и дает советы, основанные на собственном опыте, – съехидничала Бесс.

– Именно, – согласилась Фэнси. – О, Бесс, я знала, что ты поймешь! Хотя ты служанка, а я госпожа, у нас с тобой больше общего, чем с моими кузинами. Я искренне их люблю, но мы совсем разные. Ты так же практична и благоразумна, как я.

– Вот это чистая правда, госпожа. У ваших кузин есть преимущество: они известны в обществе, и их происхождение и богатое приданое ни для кого не секрет. Они найдут мужей, как только захотят иметь дом и семью. Но вы... не примите за оскорбление... вы явились из колоний, окруженная скандальными сплетнями. Почти никому не известно, что ваш дед был маркизом Линдли и что ваша родословная ничуть не хуже, чем у кузин. Вам нужно чье-то высокое покровительство. И если вы украсите постель короля, а после сохраните его дружбу, это покровительство вам обеспечено, – заключила Бесс.

– Совершенно верно! О, я так рада, что хоть кто-то меня понимает! Но есть и кое-что еще. Синара утверждает, что у короля репутация лучшего любовника во всей Англии. Интересно, это правда, или так говорят, потому что он король? Видишь ли, мой муж... – произнеся это слово, она передернулась и побледнела, – он не был хорошим любовником. Пусть я была невинной, но женщины инстинктивно чувствуют подобные вещи в мужчине.

Фэнси распустила завязки бархатных юбок, и они упали на ковер.

– Так вот, госпожа, судя по тому, что я слышала, репутация короля вполне оправданна. Его мать – французская принцесса, а в ее роду было несколько знаменитых королев, известных как величайшие любовники своего времени. А когда Стюарты покинули свою Шотландию и прибыли в Англию, оказалось, что и они тоже завязанные дамские угодники. У них полно родственников, как законных, так и нет, но Стюарты признают всех: взять хотя бы вашего дядюшку герцога.

Бесс понизила голос и поближе наклонилась к Фэнси:

– Видите ли, леди Синара тоже родилась, как говорится, не с той стороны одеяла, но ее папа, вернувшись в Англию, женился на ее матери и официально, в королевском суде, признал девочку своей законной дочерью. Только об этом никому, хорошо, мистрис Фэнси? Я просто привела пример обычаев этой семьи и их отношения к людям. Стюарты – люди добросердечные. У короля несколько сыновей и дочерей, не только от леди Каслмейн, но и от других дам, и всех он признал и обеспечил. Думаю, его репутация любовника вполне заслуженна.

– Когда он говорил со мной сегодня вечером, – призналась Фэнси, – было в нем нечто такое... словом, я поняла, что не смогу ему противиться.

– Ах, как чудесно влюбиться, – вторила Бесс, – пусть и ненадолго! – Но порыв романтизма тут же прошел, и Бесс снова стала прежней, практичной, здравомыслящей особой. – Давайте-ка скорее разденемся и ляжем в постель, госпожа. Нужно выглядеть поистине неотразимой, если хотите привлечь внимание короля.

Назавтра Фэнси вместе с кузинами снова отправилась в Уайтхолл. На ней был туалет лазоревого шелка с нижней юбкой из парчи того же цвета, расшитой серебряными нитями и выглядывавшей в разрез верхней. Верх пышных рукавов, перевязанных в двух местах узкими серебряными лентами, тоже был лазоревым, низ – кремовым. Из-под него ниспадали мягкие кружевные манжеты. Прозрачная батистовая сорочка доходила до самой шеи, украшенной широким коротким жемчужным колье. На шляпе с высокой тульей развевались страусовые перья.

Кузины присоединились к свите короля и отправились на прогулку по дорожке, ведущей вдоль Темзы. Процессию возглавлял сам Карл. Сегодня на нем были широкие панталоны, собранные у колена и отделанные красными лентами, длинный черный бархатный сюртук, застегнутый до талии, и большая черная фетровая шляпа, украшенная красной тесьмой и белыми перьями. Пряжки красных кожаных туфель переливались жемчугом и бриллиантами. Король опирался на длинную трость черного дерева с круглой резной ручкой слоновой кости.

– Кровь Христова, – шепнула Синара, – какой модный костюм! Я почти жалею, что мы такие близкие родственники!

– Син! – неодобрительно прошипела шокированная Дайана.

– Не будь дурочкой, Сирена! Внимание короля – огромная честь! Но я забыла, – поддразнила Синара, – что царственные Стюарты приносят несчастье Лесли из Гленкирка!

– Бабушка говорит, что это правда! – бросилась на защиту семьи Дайана.

– Но ни я, ни Фэнси не носим фамилию Лесли! – парировала Синара.

Девушки неожиданно обнаружили, что в пылу спора шагали все быстрее и, хотя сначала тащились в хвосте, теперь оказались чуть позади короля. Карл слегка повернул голову, улыбнулся и поманил девушек к себе. Синара с кокетливой улыбкой быстро двинулась к нему, почти силой таща за собой кузин. Фэнси так и не поняла, как случилось, что король вдруг положил ее маленькую ручку на сгиб локтя и улыбнулся.

– Расскажите о моей колонии в Мэриленде, мистрис Деверс, – попросил он, гипнотизируя ее своими темными глазами.

– Необыкновенная земля, ваше величество. Чесапик – это ряд темно-голубых океанских заливов. В них полно рыбы и разных морских животных, а по берегам гнездится дичь. Раньше там было много лесов, но теперь их частично вырубили. Мы называем наши поместья плантациями. Отец возделывает табак, но не так много, как в первые годы после приезда туда. Он предпочитает выращивать лошадей. Сбор табака – тяжелый труд, на котором используются рабы. Но мой отец отрицает рабство. Он покупает черных, учит работать на полях или прислуживать в доме, а потом освобождает. Обычно они остаются с нами и получают жалованье за работу. Соседи считают моего отца чудачком, но я много раз видела, как бесчеловечно обращаются с рабами, и тоже не терплю рабства. Мы покупаем также каторжников: англичан, шотландцев или ирландцев, которые ссылаются в колонии за какие-либо преступления или долги. В Бейвью живет много ирландцев. Мой отец очень тоскует по родной земле.

– Бейвью – название вашей плантации? – спросил король.

– Да, ваше величество.

– Насколько я припоминаю, ваш отец – ирландец и к тому же католик?

– Да, ваше величество. Именно поэтому мои родители оставили королевство вашего величества, – вздохнула Фэнси.

– Предрассудки – вещь страшная, – согласился король. – Кстати, мистрис Деверс, знаете, что у вас необыкновенные глаза?

Фэнси смущенно вспыхнула:

– Я унаследовала их от бабушки.

– Ваша бабушка – поразительная женщина, – заметил король, лукаво блестя глазами. – Она действительно ожидала вас вчера вечером?

– О да, ваше величество! Она уже сидела в экипаже, когда мы подошли.

– А сегодня вечером? Леди Лесли снова пообещала позаботиться о вас? – осведомился король.

Сердце Фэнси тревожно заколотилось, но она честно ответила:

– Нет, ваше величество. Бабушка говорит, что слишком стара, чтобы приезжать во дворец каждый вечер, и теперь, когда мы были представлены вашему величеству, в этом нет нужды. Но иногда она будет присоединяться к нам.

– Крайне осмотрительная дама ваша бабушка, – сухо обронил король. – Но если я пошлю мистера Чиффинча сопровождать вас к ужину, вы согласитесь?

– Для меня огромная честь ужинать с вами, – прошептала Фэнси, но улыбка, которой она одарила его величество, отнюдь не казалась кокетливой. Всего лишь теплой и дружеской.

Король взял ее изящную ручку и поцеловал. Их взгляды встретились.

– Скорее бы пришел вечер, – тихо сказал он, отступая.

– Вы правы, сир, – кивнула Фэнси и сделала реверанс, прежде чем почтительно отступить и подойти к кузинам, успевшим затеряться в толпе придворных. Ею владело странное волнение. Он был отнюдь не самым красивым из ее знакомых мужчин, мало того, его вообще трудно назвать красавцем, но его обаяние поистине безгранично, и она снова ощутила в нем некую внутреннюю доброту.

– Что между вами произошло? – прошептала Синара.

– Потом, – буркнула Фэнси.

– О вас уже сплетничают, – сообщила Синара, чьи голубые глаза блестели любопытством.

Но Фэнси упорно молчала, чем вызвала легкую улыбку на лице Дайаны. Та полностью одобряла благоразумие кузины. И хотя поведение Фэнси немного шокировало, все же такая осторожность пришлась ей по душе. Впрочем, если король сделает Фэнси своей любовницей, об этом немедленно узнают все.

Они немного подремали в покоях герцога и герцогини Ланди, съели легкий обед, заказанный Бесс на королевской кухне, умылись и стали готовиться к вечерним развлечениям. Приближалось Рождество, и сегодня предстояло выбрать Повелителя беспорядка, иначе говоря, главу всех рождественских увеселений, которому предстояло править двором во время праздников. Бесс помогла девушкам одеться. Дайана выбрала бледно-лиловое бархатное платье, Синара – темно-красное, Фэнси – цвета морской волны. Бесс причесала всех троих, завив модные локоны.

В зале приемов играла музыка, танцевали пары. Все немало смеялись, когда Повелителем беспорядка избрали Гарри Саммерса, графа Саммерсфилда, высокого, смуглого молодого мужчину лет двадцати семи, носившего прозвище Уикиднесс⁴. Синара с какой-то жадностью разглядывала его, не преминув перед этим обмолвиться кузинам, что считает графа возмутительно красивым, невзирая на его репутацию распутника и повесы.

– Он не из тех, за кого выходят замуж порядочные девушки, – чопорно заметила Дайана.

– А я и не собираюсь, – хмыкнула Синара. – Просто хочу узнать его получше и, возможно, немного поиграть.

– Да судя по виду, он съест тебя живьем и косточек не оставит, – предрекла Фэнси. – Не люблю чересчур красивых мужчин!

⁴ Порок, злоба, греховность (англ.).

Вечер тянулся долго. Дайану, как всегда, окружили толпы самых завидных и не слишком завидных, но все же исполненных надежд поклонников, тогда как Синара и Фэнси отнюдь не пользовались столь оглушительным успехом. Наконец Синаре это надоело:

– Пойду посмотрю, не встретится ли мне сам Повелитель беспорядка. Уж я заставлю его меня заметить!

– Будь осторожна! – предупредила Фэнси, перед тем как Синара исчезла в толпе придворных. Фэнси осталась одна. Правда, невнимание придворных ее не расстраивало: наоборот, давало возможность следить за тем, что происходит в зале. Она с интересом наблюдала попытки молодых людей завоевать благосклонность Дайаны. В кругу поклонников выделялись двое: братья-близнецы, герцог и маркиз Роксли. Высокие, с вьющимися каштановыми волосами и голубыми глазами, они упорно добивались взгляда девушки.

– Мистрис Деверс?

Фэнси подняла глаза. Перед ней стоял доверенный слуга короля.

– Его величество поручил мне проводить вас на ужин, – тихо объявил Уильям Чиффинч. – Прошу вас следовать за мной.

Он повернулся и отошел. Фэнси поднялась и пошла за ним. Никто ничего не заметил. Мистер Чиффинч умел делаться невидимым, а Фэнси Деверс никто не знал, и никому не приходило в голову следить за ней.

Они миновали лабиринт коридоров, запутанных переходов, и Фэнси невольно задалась вопросом, найдет ли дорогу назад. Наконец мистер Чиффинч остановился перед двойной дубовой дверью, по обеим сторонам которой стояли стражники. Мистер Чиффинч открыл дверь и пригласил Фэнси пройти в комнату.

– Его величество скоро будет, – сообщил он, прежде чем удалиться. Девушка потрясенно огляделась. Никогда прежде ей не доводилось бывать в столь роскошной комнате, стены которой были обтянуты красной шелковой парчой и увешаны огромными великолепными картинами, изображавшими пейзажи и романтические сцены. У одной стены стоял гигантский камин красно-черного мрамора с резными колоннами по бокам. На больших решетках лежали поленья яблони, испускавшие при горении сладкие ароматы. Мебель золотистого дуба была обита либо темными гобеленами, либо алой бархатной парчой. Такие же занавеси висели на окнах. С центра потолка свисала огромная хрустальная люстра, в которой ярко горели восковые свечи. В противоположной стене виднелась еще одна дверь. Фэнси, сгорая от любопытства, приоткрыла ее и заглянула в щелочку.

За дверью оказалась спальня, обитая белым с золотом шелком, с камином, в котором тоже горел огонь, и широченной кроватью. Покрасневшая Фэнси поспешно закрыла дверь и, не зная, что делать, уселась и стала ждать. На камине тихо тикали изящные часы. Порыв ветра раздул огонь, и в дымоход поднялся столб искр. Поленья громко трещали. Фэнси рассеянно смотрела в пространство. Правильно ли она поступает? Неужели она из тех женщин, которые способны вызвать желание у короля?

В памяти вдруг всплыли слова мужа, сказанные в брачную ночь.

– Ты холодна, как мрамор! – бросил он ей в лицо. Но прав ли он? Или она просто боялась, и не без причины, учитывая то, что последовало потом?

Девушка вздрогнула и снова спросила себя, зачем оказалась здесь.

Но тут дверь открылась, и вошел Карл Стюарт, король Англии. Фэнси от неожиданности подскочила и низко присела. Что же, бежать уже поздно. И кроме того, разве первые пришедшие в голову мысли не самые правильные?

– Добрый вечер, ваше величество, – выдохнула она.

– Дорогая моя девочка! – приветствовал король с теплой улыбкой. – Позволь сказать, что сегодня ты была самой прелестной из всех женщин! Тебе более чем идут оттенки голубого

и зеленого! – Он протянул руки, поднял ее и заглянул в глаза. – Поразительно! В таких очах можно утонуть!

В дверь постучали, и на пороге появилась небольшая процессия слуг. Они постелили скатерть и расставили на столе серебро, хрусталь и золотые тарелки. На буфете как по волшебству возникли накрытые крышками блюда, и король с величайшей галантностью усадил Фэнси на стул перед камином.

– Я ведь обещал тебе ужин, – лукаво прошептал он.

– Я не сомневалась в вас, сир. Мне не раз говорили, что ваше величество – человек слова. Король рассмеялся.

– У тебя живой ум, – довольно кивнул он. – Кажется, я был прав насчет тебя, дорогая.

– Прав? О чем вы, сир? – удивилась она.

– Ты умна, чувствительна и остроумна, – пояснил он, снова улыбаясь. Слуга поставил перед ним большое блюдо устриц.

– Вы собираетесь все это съесть? – неожиданно для себя выпалила Фэнси, хотя стоявшее перед ней блюдо креветок было ничуть не меньше. Их взгляды снова встретились.

– До конца, – подчеркнул король и принялся с аппетитом глотать моллюсков. Фэнси, снова занервничав, нехотя поднесла к губам креветку.

– Мне кажется, что устриц чересчур много.

– Я человек обширных аппетитов, мадам. И разнообразных, – пояснил он. – Как насчет тебя?

– Не знаю, ваше величество, ибо мой опыт очень мал. Но дамы моей семьи обладают определенной привлекательностью и способностью чаровать джентльменов.

– Если ты унаследовала от бабки не только чудесные глаза, но и ту же притягательность, перед которой не смог устоять мой дядя, думаю, мы с тобой поладим, Фэнси. Ты понимаешь, дорогая, о чем я?

– Ваше величество желает попробовать меня на десерт, – совершенно серьезно ответила Фэнси.

Карл Стюарт от неожиданности раскрыл рот, но тут же расхохотался так заразительно, что на глазах выступили слезы. Немного придя в себя, он спросил:

– Ты всегда так чертовски прямолинейна, Фэнси Деверс?

– Просто мне кажется, что чистосердечие – одно из лучших качеств. Надеюсь, я не рассердила ваше величество?

– Ничуть, – заверил король. – Чаще всего со мной говорят обиняками, столь витиевато, строя фразы с такой деликатностью и так боясь обидеть, что я порой с трудом понимаю, что именно мне хотели сказать.

Слуга убрал устричные раковины, а другой унес недоеденные креветки. Затем на столе появились тарелки с ростбифом и тонко нарезанным каплуном для Фэнси. Сбоку лежали стебли спаржи, вероятно, выращенной в королевских оранжереях и залитой нежным соусом. Фэнси брала пальцами каждый стебелек и медленно, с наслаждением ела, так ловко облизывая соус, что не уронила ни капельки.

– До чего же вкусно! – воскликнула она. – Что за изысканное угощение!

Король зачарованно наблюдал за ней, сразу поняв, что она не подозревает, насколько чувственно каждое ее движение. Сам он, ощутив, как твердеет его плоть под бархатом панталон, живо представил, что может сделать этот острый язычок. Он уже твердо знал, что Фэнси Деверс способна убажить его, как немногие женщины. После своего возвращения в Англию он еще не имел двух официальных любовниц, но теперь, когда Барбара Каслмейн вот-вот сойдет со сцены, это представилось вполне возможным. Даже его кузен, король Франции, не додумался до такого.

– А вы не хотите есть? – спросила Фэнси.

– Очень хочу! – воскликнул король и набросился на говядину, ветчину, семгу и спаржу. Ужин закончился хлебцами с маслом и несколькими сортами сыра. Слуги непрерывно наполняли кубки, но Фэнси старалась не пить много. Она не знала, как подействует на нее спиртное, и хотела сохранить ясную голову в предвидении того, что ждет впереди.

Слуги унесли стол и блюда, и Фэнси осталась наедине с королем.

– Прислать горничную, чтобы помогла тебе раздеться?

– Я уверена, что вы, сир, весьма искушены в этом умении, – пробормотала Фэнси с сильно забившимся сердцем.

Он проводил ее в спальню. Тяжелые белые с золотом шторы на окнах были задернуты, атласное покрывало на кровати откинута, прикроватные занавеси наполовину раздвинуты. На столике стояли чаша с земляникой, горшочек со взбитыми девонскими сливками, графин вина и два кубка. Огоньки свечей, горевших в хрустальных лампах на столе, каминной полке и у кровати, отражались в гранях хрусталя.

Фэнси вздрогнула, услышав щелчок закрывшейся двери. Бежать некуда. Она сама пришла сюда.

Король заметил это и тихо спросил:

– Ты боишься?

– Не вас, – покачала головой Фэнси. – Беспокоюсь, что моя неопытность разочарует вас.

– Но мне говорили, что ты была замужем.

– Всего несколько часов, сир.

– Значит, ты невинна? – удивился он.

– Нет, брачная ночь у меня была, – едва выдавила Фэнси.

– И не слишком счастливая, полагаю?

– Да, сир.

– И все же ты приняла мое приглашение, хорошо зная, что от тебя потребуется? – допытывался король. – Почему?

Несмотря на то что его расстроило признание Фэнси, желание только усилилось.

– Синара говорит, что вы лучший в мире любовник, – начала Фэнси. Король невольно улыбнулся. – Женщины, даже самые неопытные, чувствуют подобные вещи, ваше величество. Мужчина, бывший моим мужем, считался необыкновенно красивым и обладал таким обаянием, что женщины, знавшие его, как одна, вздыхали и страдали. Но любовником он оказался ужасным. Грубым и жестоким, чьей единственной потребностью было получить наслаждение. Из-за этого он и погиб и оставил меня вдовой, прежде чем успел уничтожить.

– Это ты убила его? – вырвалось у короля.

– Нет, и все же он умер из-за меня. Если вы прикажете, я немедленно оставлю вас, сир, но, умоляю, не спрашивайте меня ни о чем, – тихо вымолвила Фэнси.

– Давай вернемся к тому, что он был плохим любовником, – так же тихо ответил король. – Если его ласки ужаснули тебя, почему ты здесь, со мной?

– Из-за вашей репутации, – честно ответила Фэнси. – Женщины моей семьи всегда знали восторги страсти. Я тоже хочу быть в их числе. Но не желаю выходить замуж ради того, чтобы открыть то, что уже известно им. Кроме того, вряд ли я вправе проверить, насколько мужчина владеет искусством любви, прежде чем выйду за него. Но о вас, сир, все толкуют как о непревзойденном любовнике. Я вправду предпочла бы иметь любовника, чем второго мужа.

Карл от удивления лишился дара речи.

– Я шокировала ваше величество? – догадалась девушка. – Но я не знакома с придворным этикетом, поэтому остается надеяться, что я не оскорбила вас своей откровенностью.

Королю наконец удалось взять себя в руки.

– Дорогая, – ответил он, – я впервые сталкиваюсь с подобным чистосердечием. И я постараюсь оправдать свою репутацию в твоих глазах.

– С того момента, как мы встретились, я ни разу в этом не усомнилась, – кивнула Фэнси. Он повернул ее к себе спиной и принялся ловко расшнуровывать корсаж.

– Думаю, дорогая Фэнси, что ты, немного повзрослев, станешь очень опасной женщиной, – объявил он, нежно целуя изгиб ее тонкой шейки. – Твой аромат пьянит меня. Что это?

– Ночной жасмин, ваше величество. Моя бабушка и ее старая служанка сами делают духи. Мне они очень нравятся.

– Мне тоже, – отозвался король и, снова повернув ее, стащил лиф и осторожно положил на стул. – А теперь, дорогая, твоя очередь. Ты снимешь камзол?

Тонкие пальчики Фэнси старательно расстегнули золотые пуговицы с серединками из бриллиантов и стянули с плеч короля рубиново-красный бархатный камзол.

– А теперь вместе, – с легкой улыбкой скомандовал король, принимаясь развязывать ленты ее тонкой, отделанной кружевами сорочки. Фэнси улыбнулась в ответ и ослабила завязки его рубашки. Вскоре оба остались обнаженными до пояса. Большие руки короля сжали два идеально округлых полушария упругой плоти. Король прикрыл глаза, отдаваясь нахлынувшим ощущениям. Фэнси с удивлением обнаружила, насколько нежно и даже благоговейно его прикосновение, словно он поклонялся ей. Она была почти уверена, что испытает страх и смущение, но лишь спокойно наблюдала, как он ласкает ее. Большие пальцы осторожно растирали соски, пока крохотные горошинки не затвердели. Теплые ладони не переставали гладить ее.

– Прелестны, – прошептал король. – Ни у кого больше нет таких прелестных грудок. Что за сокровища ты предлагаешь мне! В самом деле достойные только короля.

Он поднял ее и припал губами к округлостям, которыми так восхищался. Прикосновение горячих влажных губ заставило ее затрепетать от возбуждения.

Король снова поставил девушку на пол, сжал ладонями ее личико, притянул к себе так, что соски едва касались его широкой груди, и стал целовать долгими, медленными поцелуями, постепенно становившимися все более пылкими. Голова Фэнси кружилась, и, кажется, она уже забыла, что нужно дышать. Ей, вне всякого сомнения, не приходилось испытывать ничего подобного за свою недолгую жизнь. Усопший, но не оплакиваемый муж уж точно не умел так целоваться.

Фэнси блаженно вздохнула. Король тихо рассмеялся, и она распахнула глаза.

– Тебе нравится целоваться, – заметил он, дразняще обводя пальцами ее губы. Фэнси кивнула, целуя эти искусные пальцы. – Что ты еще любишь? – допрашивал он. – Я должен знать, иначе мы не сумеем ублажить друг друга.

Фэнси покачала головой.

– Что я в этом понимаю? – пожаловалась она.

– Значит, придется действовать наобум, – серьезно заметил король, хотя в глазах плясали чертики.

– Наверное, – жизнерадостно согласилась Фэнси.

– Но во всех этих юбках... будет нелегко добиться истины.

– В таком случае мне придется снять их. Ну а вы, сир? Что снимете вы? – дерзко бросила Фэнси.

– Придется и мне постараться, – покорно ответил король и, сев на кровать, снял туфли и бархатные панталоны. Фэнси в это время сражалась с тяжелыми юбками. – Ты все еще не скинула туфли, – заметил он.

Фэнси тоже уселась на край кровати и смело протянула ему сначала правую, потом левую ножку. Он стащил шелковые туфельки цвета морской волны с пряжками, украшенными жемчугом и бирюзой, и, встав на колени, принялся массировать ее ступни. Фэнси тихо ахнула.

– Что за восхитительные маленькие ножки, – вырвалось у короля. – И на тебе шелковые панталоны! Очаровательно! Но мы должны расстаться с ними, дорогая.

Его рука скользнула по ее ноге, под отделанные кружевом панталоны, мгновенно соскользнувшие вниз. Теперь только шелковые чулки, вышитые зелеными и голубыми лозами, и серебряные подвязки давали еще какую-то иллюзию скромности. Король продолжал гладить ее бедра, жадно упиваясь видом густого темного треугольника тугих завитков внизу живота.

– Отвернитесь, ваше величество, – тихо попросила Фэнси. Король, улыбаясь, встал, снова уселся на кровать, снял чулки, подвязки и шелковые подштанники, прежде чем снова опуститься на колени перед девушкой.

– Ложись, – скомандовал он и, когда она подчинилась, расстегнул ее подвязки и принялся медленно скатывать чулки, лаская икры и щиколотки.

Фэнси трясло от возбуждения. За последние несколько минут ее поразил ураган эмоций, равных которым она до сих пор не испытывала. Если бы он сейчас отпустил ее, наверное, всего пережитого ей хватило бы надолго.

Но тут она вдруг поняла, что это не так. Совсем не так. Даже зная, что сейчас предстоит, она ждала с нетерпением, ибо до сих пор не представляла, насколько может быть нежен с женщиной мужчина.

Карл осторожно развел молочно-белые бедра и припал губами к ее венерину холмику. Девушка охнула, сначала тихо, потом громче, когда он раскрыл сильными пальцами туго сомкнутые лепестки и кончиком языка коснулся ее там, куда до сих пор не проникал никто.

Король, мужчина, который всегда был чрезвычайно чутким к женским эмоциям, на секунду поднял голову.

– Тебя никогда так не ласкали?

– Нет, – прошептала она, – но, кажется, я не хочу, чтобы вы останавливались.

Он весело хмыкнул, прежде чем снова опустить голову. Сначала она ощущала только, как его широкий язык гладит ее плоть. Но потом он, похоже, отыскал самое чувствительное местечко, скрытое влажными пухлыми складками. Движения языка стали более чувственными, и когда она стала отвечать на ласки со все более растущим пылом, о чем свидетельствовали тихие крики, язык все продолжал неумолимо обводить расцветающий бутон, пока невыносимое напряжение, копившееся в девушке, не разрядилось. Теплая волна чистейшего наслаждения омыла ее.

Король накрыл ее своим телом и стал медленно входить во влажный жар ее любовного грота. Он хотел продлить любовную игру, но восхитительная готовность и неподдельный восторг Фэнси возбудили его куда быстрее обычного. Она так же сильно хотела его, как он – ее.

И тут по его лицу разлилось неподдельное удивление. Король только что обнаружил некое препятствие и, слегка отстранившись, снова подался вперед, на этот раз куда осторожнее. Но дорожка в самом деле оказалась непроезжей.

– Ты невинна! – ахнул он, стараясь держать себя в руках и не дать воли разбушевавшемуся инстинкту.

– Нет! – вскрикнула Фэнси. – Не может быть!

– Сейчас обсуждать это уже поздно, – процедил король сквозь зубы. – Тебе будет больно, но недолго, клянусь.

И он одним быстрым выпадом прорвал ее девственную преграду, со стоном погрузившись в ее лоно.

Удар... жжение... короткая боль... и все исчезло.

Она почувствовала, как он наполняет ее, и ощущение совсем не показалось неприятным. Карл стал двигаться в ней медленными, искусными выпадами.

Фэнси тонко взвизгнула, когда вихрь безумного восторга захватил ее. Неужели может существовать такое?! За сомкнутыми веками стали взрываться звезды, и когда ритм толчков ускорился, Фэнси взмыла в недостижимые высоты и, закричав, разразилась рыданиями. Король поцелуями осушал слезы на розовых щеках, продолжая вонзаться все глубже, пока его

большое тело не застыло на миг. Поток любовных соков хлынул в ее еще недавно девственное лоно. И когда король со стоном рухнул на нее, Фэнси от чрезмерного возбуждения потеряла сознание.

Придя в себя, король откатился от своей прелестной любовницы и сжал ее в объятиях. Она тихо лежала на его мускулистой груди. Странно... она была девственницей, хотя отрицала это. Почему? Что же случилось с ней такого? Что заставило отрицать очевидное?

Рано или поздно она расскажет о причинах смерти мужа, но эту тайну он должен знать сейчас!

Фэнси что-то тихо пробормотала, и его руки инстинктивно сжались. В его жизни было так много женщин! Люси Уолтер подарила ему первого сына, до того как его вынудили бежать из Англии во время гражданской войны. А милая Элизабет Киллигру два года спустя, когда он бежал и скрывался, подарила дочь. Парнишка Кэтрин Пегг тоже появился на свет, пока Карл был в изгнании. И лишь потом появилась Барбара Вильерс, его первая официальная любовница. Прекрасная, чувственная, жадная Барбара. Она дала ему пятерых детей и попыталась навязать шестого, но Карл, зная о ее измене, отказался его признать. Ее неверность позволила ему оставить ее. Последней его женщиной стала Нелли Гвин, дерзкая, алчная, но и добросердечная тоже.

И вот теперь – Фэнси Деверс. Ибо он намеревался сделать ее своей любовницей. Она не из тех, с кем можно переспать и отринуть наутро. Нет. Ее он оставит при себе. Фэнси прекрасно уравновесит Нелли и наверняка будет почтительна к королеве. Но сначала он должен узнать, почему эта восхитительная девушка была так уверена, что давно потеряла невинность.

Глава 4

Фэнси тихо застонала и глубоко вздохнула. Ее ноздрей коснулся запах сандалового дерева. Открыв глаза, она обнаружила, что лежит на груди обнимавшего ее короля. Фэнси подняла голову и встретилась с ним взглядом. Карл нежно смотрел на нее.

– Это было чудесно, – призналась она. – Так всегда бывает? Или только с вами, сир?

Король польщенно ухмыльнулся:

– Хотя меня так и подмывает похвастаться, но я уверен, что многие джентльмены ублажают своих дам подобным образом, дорогая. А сейчас нам нужно поговорить.

– Правда? – жалобно протянула Фэнси. – А я надеялась, что мы повторим... это...

– Обязательно, – заверил он, – но прежде всего я хочу понять, почему ты утверждала, что давно стала женщиной?

– Но как же иначе? – удивилась она. – В первую брачную ночь мой муж... воспользовался моим телом. – Очевидно, воспоминание было столь ужасным, что она вздрогнула. – Поверьте, это было настоящим кошмаром! Ваше величество обошлись со мной совсем не так!

– Сердечко мое, – мягко сказал король, – твоя невинность была нетронута, а я – человек, разбирающийся в подобных вещах. Скажи, Фэнси, что делал с тобой он, и я попытаюсь все объяснить. Разве мать не поделилась с тобой знаниями, необходимыми в этот важнейший момент твоей жизни?

– Мама считала, что моя сестра Мэв и подруги уже растолковали все, что мне необходимо знать, поскольку девушки вообще склонны шептаться о подобных вещах. Она посоветовала мне слушаться Паркера, и все будет хорошо. И еще сказала, что джентльмены не любят чересчур осведомленных жен. Такие женщины невольно заставляют мужей задуматься, откуда именно они получили эти сведения.

– А сестра беседовала с тобой?

– Мэв восхищалась только тем, что я собираюсь выйти замуж за одного из виргинских Рэндолфов. И заявила, что мне лучше всего быть чистой, как только что выпавший снег, дабы не возбуждать излишних подозрений. Поэтому я ни о чем больше не спрашивала. Да, я знала, что мужчины целуют тебя и ласкают груди, но только и всего.

– И как же муж овладел тобой? – допытывался король.

– Заставил меня лечь на живот и ткнул головой в подушку, чтобы никто не услышал моих криков. Сказал, что не желает видеть мое лицо, когда он будет наслаждаться. А потом вонзился в меня, и боль была такой невыносимой, что я лишилась чувств. Так что, посудите сами, сир, как я могла остаться девственной?

Каждое ее слово взрывалось в мозгу, терзая душу. Король на секунду прикрыл глаза, словно от страшной муки. Извращенец изнасиловал эту чудесную девочку самым жестоким и гнусным образом. Не будь он уже мертв, Карл убил бы его своими руками!

Немного опомнившись, он сказал:

– Милая, ты оказалась девственницей, потому что твой муж воспользовался тобой, как безнравственный, растленный негодяй. Ни один порядочный человек не поступит так с честной женщиной, а тем более с невинной девушкой. Когда-нибудь ты расскажешь мне, как он погиб, но даже если и чувствуешь себя виновной в его смерти, поверь, этот подлец заслужил ее. Ты призналась родителям в случившемся?

Фэнси покачала головой:

– Когда его нашли, поднялся такой скандал и хаос, что я попыталась выбросить это из головы.

– И правильно, – согласился он, целуя ее. – Я никогда не позволю ни одному мужчине причинить тебе зло и даю тебе в этом мое королевское слово.

– И мне не придется больше говорить об этом?

– Только если захочешь сама.

– В таком случае, ваше величество, – прощепетала Фэнси, кокетливо глядя на любовника, – нельзя ли нам все повторить сначала?

– Значит, нравится, когда тебя дерут, маленькая колонистка? – засмеялся король. Фэнси сжалась, словно от удара, потрясенная грубостью, но все же ответила:

– Да, когда меня дерете вы, сир.

– Что есть в тебе такого, Фэнси, – подивился он вслух, – что заставляет меня стремиться уберечь тебя от всяких бед? Тебя не назовешь застенчивой или покорной, и все же...

Он умолк. Фэнси притянула к себе его голову.

– Поцелуйте меня, – велела она, и он повиновался.

В ту ночь он взял ее дважды, и ее страстные ласки кружили ему голову. Он снова чувствовал себя мальчишкой.

Потом она уснула, но он успел сказать, что эти покои отныне принадлежат ей.

– Разве они не ваши? – озадаченно спросила Фэнси.

– Я не часто привожу фавориток в королевские покои, чтобы не оскорблять королеву, – объяснил он, и Фэнси согласно кивнула.

– Так мне можно остаться здесь? – удивилась она.

– Да, если захочешь жить в Уайтхолле или принимать меня и своих друзей. Послать к тебе служанку? – спросил он, поднимаясь и начиная одеваться.

– У меня есть своя горничная, Бесс Трухарт. Она либо ждет в покоях дядюшки, либо вернулась в Гринвуд-Хаус вместе с моими кузинами.

– Я велю найти ее и отправить к тебе утром.

– Но как же она меня найдет? Я понятия не имею, где нахожусь. Мистер Чиффинч провел меня через столько коридоров и лестниц, что я совершенно заблудилась. – с беспомощной улыбкой призналась Фэнси.

Король рассмеялся.

– Уайтхолл – настоящий лабиринт, – согласился он. – Но я приставлю к тебе пажа, моя дорогая маленькая колонистка, и он будет верно служить тебе, пока ты здесь.

Карл нагнулся и взъерошил растрепанные черные кудри.

– Спокойной ночи, моя дорогая Фэнси, – пожелал он, целуя ее макушку. – Отныне мы стали лучшими друзьями.

Он вышел из спальни, закрыл за собой дверь и быстро зашагал в свои покои. Придется поговорить с кузеном насчет Фэнси. Нет! Он не станет откровенничать с Чарли! Еще не время. Лучше позовет вдовствующую герцогиню Гленкирк. Ей нужно сообщить о таком неожиданном повороте событий. Фэнси оказалась девственницей!

Этого он никак не ожидал и, не зайдя они так далеко в своих любовных играх, возможно, сумел бы остановиться. Только, честно говоря, останавливаться ему не хотелось. Король знал, что его сексуальные аппетиты куда сильнее, чем у большинства мужчин, но именно поэтому научился управлять собой. Учитывая насилие, совершенное над Фэнси Деверс, король был рад, что именно он посвятил ее в восторги плоти. Лучшего учителя у нее не могло быть, думал Карл без всякого хвастовства, ибо знал, что любовник он великолепный.

Его уже ждал паж, смотритель личной гардеробной короля. Он помог господину раздеться. Король наскоро вымылся и, одетый в чистую ночную сорочку, лег спать. Скоро снова начнется обычный день, полный государственных дел и обязанностей, так что время, проведенное с фаворитками, было для него отдыхом.

Он заснул, грезя о бирюзовых глазах и совершенных круглых грудках.

Утром он велел секретарю сегодня же найти время для аудиенции с вдовствующей герцогиней Гленкирк и направить к даме гонца с просьбой приехать. Секретарь по тону приказа

понял совершенную бесполезность оправданий и заверений, что весь день уже расписан по часам.

– Будет сделано, ваше величество, – сказал он с поклоном.

Жасмин еще сидела в кровати и пила утренний чай, когда в комнату ворвалась Оран с пакетом, который и вручила хозяйке.

– Это только что прибыло из Уайтхолла, – объявила она, – и ходят слухи, что мистрис Фэнси не вернулась домой вчера вечером вместе со своими кузинами. О ля-ля, мадам! Герцог не знает, сердиться ему или нет!

– Я бы посоветовала не сердиться, – с улыбкой пробормотала Жасмин. – Король есть король, как мы обе хорошо знаем.

Она сломала печать и, открыв конверт, прочитала послание. Потом, аккуратно сложив бумагу, сообщила:

– Его величество соизволил назначить мне аудиенцию сегодня в четыре часа. Принеси шкатулки с драгоценностями. Нужно решить, что надеть, дабы его величество понял, что имеет дело с дочерью Великого Могола, а не простой старухой.

– Может, послать к вам герцога? – осведомилась Оран.

– Что же, неплохая идея, – согласилась Жасмин.

Несколько минут спустя в комнату вошел откровенно встревоженный Чарли.

– Ты уже знаешь? – выпалил он с порога.

– Что Фэнси провела ночь в Уайтхолле? Да. Король потребовал моего присутствия сегодня в четыре часа. Интересно, он всегда беседует с родными тех женщин, с которыми спит? Ты знаешь его лучше, чем я.

– Мне трудно ответить, мама, – вздохнул герцог Ланди. – Барбара Вильерс всегда была сама себе хозяйкой, с нравом и моралью уличной кошки. Романы с остальными случались во время изгнания. Он постоянно скрывался от тогдашних властей, и сомневаюсь, что при этом соблюдались какие-то правила приличия. Не знаю, зачем ему понадобилось видеть тебя, и скажу честно, что тебе лучше справиться самой. У меня не хватит смелости спросить его. Мне не слишком нравится, что его похотливый взор упал на мою племянницу! Что мы скажем родителям Фэнси? Ты знаешь, что бывает, когда король часто спит с женщиной.

– У нее появляется ребенок, – тихо подтвердила Жасмин.

– Но ты любила моего отца! – запротестовал Чарли. – С тобой все было по-другому! Фэнси – красавица, беспомощная молодая вдова, не знающая нравов двора и короля!

– Фэнси – сильная молодая женщина, здравомыслящая и рассудительная! – возразила Жасмин. – Если он решит оставить ее при себе и она родит ему дитя, шансы на выгодный брак только увеличатся... а может, и нет. Но ты не сумеешь ничему помешать. Появление ребенка означает, что она плодовита. Всегда найдется поклонник, заинтересованный в подобном качестве. Кроме того, все гнусные сплетни, распространяемые Толливерами, рассеются, как утренний туман.

– Двор Моголов потерял в тебе великого стратега, матушка, – похвалил Чарли.

– Фэнси – вдова. Вряд ли она что-то потеряет от этой связи, – добавила Жасмин.

– Ты глава семьи, и король уважает тебя, – задумчиво ответил сын. – Как считаешь, ему требуется твое одобрение?

Жасмин рассмеялась:

– Когда это твой кузен требовал чьего-то одобрения? Он даже пошел против проклятой шотландской церкви! Ну, теперь ты знаешь столько же, сколько я, сын мой! Иди и дай поразмыслить, что надеть к сегодняшнему вечеру.

– Прошлой ночью королевский паж явился за Бесс Трухарт, – сообщил герцог. – Думаю, случись что-то неладное, она вернулась бы в наши покои. Я оставил Барбару спящей. Пожалуй,

поеду-ка поскорее, расскажу ей то небольшое, что успел услышать. Ты наведишь нас после аудиенции?

– Разумеется! – кивнула Жасмин. – А теперь оставь меня, милый мальчик!

Она взмахом руки отпустила сына, и герцог поспешил к пристани, где ждала его личная барка. К другому концу каменного причала подходила барка из Гринвуд-Хауса. Герцог едва не покраснел, когда с маленького суденышка сошла его племянница в сопровождении Бесс.

– Доброе утро, дядюшка, – приветствовала Фэнси, проходя мимо. Бесс Трухарт почти-точно присела, перед тем как побежать вслед за хозяйкой. Подняв глаза, герцог заметил свою дочь и Дайану, прилипших к окнам. Он почти слышал их взволнованные вопли, обращенные к кухне. Кровь Христова! Что, если дочь Фортейн окажет дурное влияние на девушек? Придется действовать с крайней осторожностью.

С этими мыслями он взошел на борт своего речного судна.

Синара и Дайана слетели по главной лестнице еще до того, как Фэнси вошла в дом, и бросились к ней, визжа в два голоса.

– Расскажи! Расскажи поскорее! – хором умоляли они.

Но сзади раздался строгий голос бабушки, по-прежнему одетой в теплый халат.

– Нечего тут рассказывать! – отрезала она. – Фэнси, идем со мной. Синара, Дайана, успокойте себя прогулкой в саду. Оран принесла ваши накидки и будет сопровождать вас.

– Но, бабушка... – запротестовала Синара.

Жасмин взяла Фэнси за руку и повела наверх, подальше от кузин. Потом почти втокнула девушку в ее комнаты, заперла дверь и, повернувшись, спросила:

– Ты легла с ним?

Фэнси кивнула:

– Это было чудесно, бабушка.

– Прекрасно. Когда будешь готова поведать о своем приключении, я с радостью выслушаю.

– Он отвел мне покои в Уайтхолле! – воскликнула Фэнси. – Разве не чудесно?

– И ты будешь там жить?

– Не думаю, что это удобно. Сначала посмотрим, как будут развиваться события, – пробормотала девушка.

– Мудрое решение! Мы отошлем туда кое-какие вещи на всякий случай, но твой дом – Гринвуд, дорогое дитя. Ты завтракала?

Фэнси покачала головой:

– Я была слишком взволнована и поэтому сочла за лучшее подождать, пока не вернусь. Бесс как раз пошла на кухню.

– В таком случае оставляю тебя. Мне нравятся твои осмотрительность и благоразумие в этом деле. Жаль только, что не смогу удержать в узде твоих кузин и они, вне всякого сомнения, ворвутся сюда, как только узнают о моем уходе, – с улыбкой закончила Жасмин. Однако она не рассказала внучке о том, что король призвал ее во дворец. Чего бы ни хотел от нее король, это останется между ними.

Она расцеловала Фэнси в розовые щечки и ушла. Заворачивая за угол, Жасмин мельком увидела край алой юбки Синары и улыбнулась.

Фэнси ничуть не удивилась, когда через несколько секунд дверь снова распахнулась и в комнату влетели кузины.

– Мы оставили Оран бродить в садовом лабиринте, – хихикнула Дайана.

– Что было? – допытывалась Синара, спеша перейти к делу. – Вы были с ним в постели? Тебе понравилось? Ты будешь его новой фавориткой?

– Мы любили друг друга. Это было чудесно, но его величеству решать, повторится это или нет, – ответила Фэнси, не уверенная, стоит ли рассказывать об апартаментах в Уайтхолле.

– Но это наверняка не все, – настаивала Синара.

– Если так и есть, я вовсе не собираюсь делиться с вами, – слегка улыбнулась Фэнси. – Видишь ли, Синара, плотская любовь – это дело личное, не терпящее пустой болтовни. Кроме того, ты еще девушка, и не думаю, что стоит распространяться о таких подробностях с невинной особой.

– Вздор! – отрезала Синара. – Женщины всегда сравнивают свои впечатления от любовников. Как еще узнать, что нравится мужчине, если не учиться у тех, которые уже все знают?!

– Моя мать всегда утверждала, что джентльменам не нравятся слишком осведомленные молодые особы. Они неизменно задаются вопросом, откуда у них подобные знания. Кроме того, король не обычный джентльмен. Я быстро потеряю его благоволение, если буду налево и направо рассказывать, что было между нами.

– Думаю, Фэнси права, – поддержала Дайана.

– Еще бы, – буркнула Синара. – Но я не собираюсь выходить замуж еще несколько лет! Хочу понять мужскую природу! Узнать самых разных мужчин. Теперь совсем не то, что было в юности нашей бабушки или леди Скай! Тогда умные богатые женщины могли пускаться в самые поразительные приключения и делить страсть с настоящими мужчинами! А мы? Нас заключили в тюрьму из приличий и правил! Представься ко двору. Флиртуй месяц-другой, а потом прими предложение джентльмена из хорошей семьи с равным или большим состоянием. Выходи замуж. Испорти фигуру частыми родами. И старей, старей, старей... До чего же все это скучно, противно, предсказуемо! Не желаю я такого существования! Хочу жить волнующе! Не будь мой отец кузеном короля, я сама бы попыталась соблазнить его величество! До чего же захватывающе – быть фавориткой повелителя!

– Молодым дамам нашего богатства и положения полагается вести именно такую жизнь, как ты описала, – возразила Дайана. – Поэтому мама и позволила мне жить у бабушки. Мне хотелось бы стать женой герцога или маркиза, в худшем случае графа. Иметь свой дом и детей, которые укрепят мое положение в семье. И у меня будет любовь, как у всех женщин в нашем роду. Мне вовсе не нужны те приключения, которые пережили тетя Индия или тетя Фортейн. И я не собираюсь покидать родину и родных из-за различий в религии. Мне нужен человек, который будет любить меня больше всего на свете и сделает все, чтобы я стала его женой! Вот что мне требуется!

– Вы обе стремитесь к одному, – решила Фэнси. – Просто у вас разные способы достижения цели.

– А у тебя? – проницательно осведомилась Синара.

– Я уже была замужем и больше не собираюсь. Но это не означает, что я не хочу быть любимой, – объяснила Фэнси.

– Ты была замужем меньше одного дня, – презрительно бросила Синара. – И что бы там ни вышло, рано или поздно бабушка обязательно позаботится о твоём втором замужестве. А после высокого положения фаворитки короля любой другой мужчина, кроме мужа, будет считаться в обществе падением.

– О, я не росла в обществе, – засмеялась Фэнси, – и одна ночь в постели короля вряд ли делает меня его официальной любовницей.

– Чушь, – перебила практичная Синара. – Уверена, что в колониях имеется свое общество. Пусть это не королевский двор, но не говори, что там все равны. Этого просто не может быть. У вас наверняка есть землевладельцы, торговцы, владельцы магазинов, рабы, бывшие каторжники, рыбаки и простые фермеры. В любой стране есть свои классы: так нам говорили наши наставники. Мы с Дайаной получили хорошее образование: бабушка так потребовала. Она считает, что после страсти женщина должна найти темы для разговора с мужем, иначе он быстро от нее устанет.

– А о чем вы говорили с королем после... после любви? – с невинным видом осведомилась Дайана.

– Прошлой ночью мы почти не разговаривали, – призналась Фэнси. Синара закатила глаза, но Фэнси упрямо повторила: – Я не собираюсь ничего рассказывать, кузины.

Вошедшая Бесс поставила на стол поднос, пронзила Дайану и Синару негодующим взглядом и без обиняков попросила выйти.

– Мы еще вернемся, – пообещала Синара.

– Я поем и лягу спать, – объяснила Фэнси и, когда за девушками закрылась дверь, лукаво хихикнула: – Видела выражение их лиц, когда я сказала, что буду спать? По-моему, они вообразили, что мы всю ночь только и делали, что ласкали друг друга.

– А это не так? – с откровенным любопытством выпалила Бесс, но Фэнси уже поняла, что может доверять служанке, и поэтому объяснила:

– Король не проводит с любовницами ночи напролет. Он всегда возвращается в свои покои. Слишком уважает королеву, чтобы поступать иначе.

– Неужели?

Сама Бесс не думала, что человек, произведший на свет столько бастардов и признавший всех до единого, так уж заботится о чувствах своей бедной бесплодной супруги, но мудро оставила свои мысли при себе.

– Ешьте поскорее, – наказала она хозяйке, – а потом решим, что нужно перевезти в ваши дворцовые покои.

Фэнси уселась и только сейчас поняла, как проголодалась. Она съела все, до последней крошки, и стала обсуждать с Бесс, что отправить во дворец. Но тут в спальне появилась Оран.

– Мадам послала меня на помощь, госпожа, – сообщила она и, к возмущению Бесс, принялась ртыться в платьях Фэнси.

– Чужеземная корова! – пробормотала она. Но Оран только рассмеялась.

– Ты многое можешь узнать от меня, – сказала она Бесс. – И тебе лучше послушать меня, поскольку твоя госпожа взлетела очень высоко. Что может знать о таких вещах сельская девочка вроде тебя? А вот я служила даме, которая была любовницей не одного, а двух королей!

– Кто эта дама? – вскинулась Фэнси.

– Ваша тетя Отем. Сначала она спала с королем Франции Людовиком и родила ему прекрасную дочь, мадемуазель де ла Буа. Потом она вернулась в Англию и сумела привлечь внимание короля Карла. К несчастью, ее маленький сын родился мертвым.

– Моя тетя была любовницей двух королей? – ахнула Фэнси.

– Вот именно. А король Карл к тому же пытался соблазнить герцогиню Фланну, мать леди Дайаны, – добавила Оран со смехом.

– Теперь я понимаю, – медленно выговорила Фэнси, – почему говорят, что для Стюартов женщины нашей семьи все равно что мед для пчел.

– Уж это точно, – подтвердила Оран, входя в гардеробную. – Все вы обладаете красотой, очарованием и умом, но есть и еще некое трудноопределимое качество, которое влечет мужчин. А теперь посмотрим, что вам понадобится.

Она выбрала два дневных и два вечерних туалета и, досадливо прищелкнув языком, отправилась к Жасмин.

– У нее нет соблазнительных пеньюаров, мадам. Ее ночные сорочки слишком просты. Некрасивы. Скучны. Они не могут привлечь или обольстить такого мужчину, как король. Если хотите, чтобы она сохранила его благосклонность, нужно немедленно это исправить!

– А нельзя переделать мои пеньюары, пока не сошьем новых? – оживилась Жасмин.

– Мадам! – вздохнула Оран.

– Знаю-знаю. Я старая женщина, но в моих вещах наверняка найдется что-то подходящее. Посмотри в моем гардеробе! Там, кажется, есть новый пеньюар, который можно перекроить.

Оран кивнула и отправилась на поиски. Скоро она вернулась и растянула на руках почти прозрачный пеньюар лилового шелка с длинной, до пола, юбкой и широкими летящими рукавами, щедро отделанными водопадом кремового кружева.

– Можно сделать вырез пониже, и все будет идеально, – решила Оран. – Стоит также добавить узкий пояс, чтобы подчеркнуть тонкую талию мистрис Фэнси. Потом у нас будет время сшить другие.

– Отлично. Ты можешь успеть, пока я готовлюсь к аудиенции с королем?

Оран кивнула и поспешила прочь.

К тому времени как Жасмин была готова к отъезду, пеньюар был переkreен и упакован вместе с остальными вещами Фэнси. Жасмин уселась в большую карету. Оран прикрыла колени госпожи меховой полстью. Вдова была одета в великолепный костюм из темно-зеленого бархата с обшитой мехом верхней юбкой и нижней юбкой из зеленой с золотом парчи. В круглом вырезе, тоже отделанном мехом, виднелась светло-золотистая сорочка с высоким воротом, расшитым жемчугом. По рукавам-буфам шли широкие полосы бобрового меха, которым был подбит и плащ с капюшоном, накинутым на изящную кружевную вуаль. В ушах переливались бриллианты и изумруды, падая на золото сорочки. Подкладка коричневых кожаных перчаток была из тонкого золотистого шелка.

Карета несла ее по уже темным улицам, через весь город, ко дворцу Уайтхолл. Наконец лошади остановились в парадном дворе. Жасмин спустилась на землю, и к ней немедленно подошел молодой паж в королевской ливрее.

– Миледи Лесли?

Она кивнула.

– Следуйте за мной, мадам, пожалуйста, – попросил паж и повел ее во дворец по длинным коридорам к неприметной двери. Повернул ручку, отступил и жестом пригласил ее в комнату. Король, немедленно выступив вперед, приветствовал ее.

– Мадам, благодарю за то, что согласились прийти. Вы, должно быть, замерзли. Пойдемте к огню. Вы приплыли по реке?

– Нет, вода чересчур холодна для дамы моих лет, ваше величество.

Он сел напротив нее, и Жасмин только сейчас заметила поднос на столике у его локтя.

– Чай? – спросил король.

– С удовольствием, сир, – удивленно протянула Жасмин, принимая из его рук чашку без ручки с дымящимся напитком. – Не думала, что ваше величество любит чай.

– Не люблю, но знаю от Чарли, что вы обычно пьете чай, вот и подумал, чем вас согреть после долгой поездки, – пояснил король, приветственно поднимая небольшую рюмку с виски.

Жасмин поднесла к губам чашку, ощущая, как ароматное тепло разливается по телу. Наконец она отставила чашку и без обиняков заявила:

– Вы одарили благосклонностью мою внучку, Фэнси Деверс. Насколько я понимаю, сир, вы пригласили меня с целью позаботиться о ее будущем благополучии. Разве это не необычный для вас поступок, Карл Стюарт? Не в вашей привычке спрашивать позволения.

Король громко рассмеялся:

– Короли, как вам известно, мадам, ни о чем не просят. Но я действительно хотел поговорить с вами о Фэнси. Я отвел этой даме покои в Уайтхолле и буду покровительствовать ей, пока нам обоим будет так угодно. Однако я должен кое-чем поделиться с вами, мадам, ибо подозреваю, что вы об этом не знаете.

Жасмин молча выжидала.

– Ваша внучка была девственна, когда я прошлой ночью взял ее, – выложил король изумленной герцогине.

– Этого быть не может! – вырвалось у нее. – Она лежала в супружеской постели!

– Мадам, способны вы поверить, зная мою репутацию, что я ошибаюсь в подобных вещах?

– Но дочь в своих письмах ничего об этом не упоминала! Неужели она не знала? Немыслимо!

– Когда я понял правду, – продолжал король, – было уже слишком поздно останавливаться. Надеюсь, вы поймете меня? А потом Фэнси поведала все, что случилось с ней в ту страшную ночь ее свадьбы. Ее мать действительно ничего не знала, поскольку и без того разразился страшный скандал и поползли нелепые слухи о новобрачном, нашедшем смерть в спальне. Ваша внучка была так унижена и испугана, что решила промолчать.

– Вам она рассказала все? – тихо спросила Жасмин.

– Нет. Только очень коротко о том, что он сделал с ней. Мадам, я знаю, что вы поклялись позволить внучке самой открыть всю печальную историю, но сомневаюсь, что она когда-нибудь сумеет это сделать. Я хотел бы знать истину, не из любопытства, но ради Фэнси. Поверьте, я никогда добровольно не причиню боли даме, которая разделила со мной свои беды. Я не могу заставить вас быть со мной откровенной, но, если согласитесь, буду свято хранить секрет.

– Налейте мне немного того виски, которое пьете сами, – вздохнула Жасмин, протягивая чашку. – В чем еще она не призналась моей дочери? И почему была уверена, что потеряла невинность?

– Ваша дочь считала, будто Фэнси известно, что происходит в постели между женщиной и женщиной, – начал король. – Она была уверена, что Фэнси всему научилась от старшей сестры. Постоянно твердила, что девушка из хорошей семьи не должна быть чересчур опытной в таких делах, и посоветовала дочери понадеяться на мужа.

– Кровь Христова! – выругалась герцогиня. – Я никогда не учила Фортейн подобным глупостям! Как она могла послать дочь в брачную постель, ничему предварительно не научив? Боюсь, у этого нынешнего поколения нет ни крупицы здравого смысла! Что произошло с моей внучкой?

– Ее муж оказался содомитом, мадам. Не знаю, что случилось потом, после того, как ее изнасиловали с такой извращенностью. Фэнси было известно, что мужчина входит в тело женщины и что в первый раз приходится терпеть боль. Потому она и была уверена, что лишилась девственности.

Украшенная кольцами рука взлетела ко рту Жасмин, но не заглушила тоскливого крика. Бирюзовые глаза наполнились слезами. На какую-то секунду она потеряла дар речи.

Король подался вперед и погладил ее пальцы в бесплодной попытке утешить.

– Мне следовало бы прикончить его самому, не гори он уже в аду, – прошептал Карл, осторожно вытирая шелковым платком молчаливые слезы, катившиеся по ее щекам. – Вы расскажете мне?

Жасмин кивнула.

– Поклянись, что не передадите никому то, что узнаете, – смело бросила она королю.

– Это будет нашей общей тайной, мадам, – ответил он, целуя маленькую ладонь.

– Неудивительно, что женщины обожают вас, Карл Стюарт! – воскликнула герцогиня. – Ваш дядя был таким же обаятельным. А теперь налейте мне виски, и я расскажу все, что вам нужно знать о несчастье, постигшем мою внучку.

Он налил немного пахнущего дымком виски в протянутую чашечку, и Жасмин, осушив ее одним глотком, немедленно потребовала еще. Король послушно исполнил ее просьбу.

– Фэнси действительно убила мужа? – спросил он. – Она утверждает, что не убивала, но все же виновата в его смерти.

– У нее чересчур чувствительная совесть. Паркер Рэндолф казался идеальным женихом для моей внучки. Единственный сын в семье. Его две сестры уже замужем. Родители владеют несколькими тысячами акров земли в Виргинии. Красивый, хорошо воспитанный молодой

человек, с прекрасной репутацией, о котором никто никогда не сказал дурного слова. В двадцать пять лет он еще был не женат. Когда в прошлом году Рэндолф обратил внимание на Фэнси, все посчитали, что он просто искал истинную любовь и не успокаивался, пока не нашел подходящую девушку. Они несколько раз встречались на балах. Он попросил у моего зятя позволения ухаживать за Фэнси. Учитывая все это и то обстоятельство, что Фэнси он тоже понравился, согласие было получено. На прошлое Рождество состоялась помолвка. Венчание было назначено на июнь. Дочь с зятем ничего не пожалели. Устроили роскошную свадьбу, омраченную только тем, что наутро жениха нашли мертвым. Погибшим от руки жены.

– Но и вы, и Фэнси утверждали, что она невинна! – недоумевающе пробормотал король.

– Паркер Рэндолф оказался двоежёнцем, ваше величество, – пояснила Жасмин. – На плантации его отца работала молодая рабыня, столь же красивая, как Паркер и его сестры. Его отец купил девочку, с тем чтобы вырастить и сделать горничной своих дочерей. Но когда обе девушки вышли замуж почти одновременно, они упростили отца дать свободу преданной служанке. Тот согласился. Однако девушке пришлось остаться на плантации. Правда, ей платили жалованье и приставили к миссис Рэндолф, болезненной, хрупкой особе, которая была рада такой компаньонке.

Паркер влюбился в девушку, но она не поддавалась обольщению. Заявила, что он получит ее, только если женится. Некоторое время он противился, но наконец похоть затмила разум, если таковой вообще присутствовал. Они нашли сельского священника из глуши, ничего про них не знавшего, и тот поженил их по всем законам и правилам. Кстати, у девушки было весьма символическое имя: Далила. Однако Паркер убедил ее, что их брак должен оставаться в секрете, пока не придет срок.

Когда он начал ухаживать за моей внучкой, Далила рассердилась, но Паркер объяснил своей наивной, ревнивой жене, что делает это для их общего блага и действительно намерен жениться на Фэнси исключительно ради приданого и того огромного богатства, которое та рано или поздно унаследует. Его семье требовалось много денег, а он узнал тайну родных Фэнси, которая даст ему полную власть над ними.

Жасмин замолчала и пригубила виски, неожиданно поняв всю правильность своего поступка. Король должен знать правду!

– Что это за тайна? – удивился Карл.

– Фэнси как-то рассказала ему, что ее бабушка со стороны матери – принцесса из чужеземной страны Индии. Единственное, что мог припомнить Паркер об этой далекой земле, так это то, что ее населяют темнокожие люди. Он тут же решил, что в роду Фэнси были негры, следовательно, в ее жилах течет африканская кровь. Вот и сказал Далиле, что пригрозит обличить Деверсов, если они не станут исполнять все его повеления. Рассудил, что если эта новость плюс тот постыдный факт, что Фэнси на самом деле – обычная наложница, а не жена, станут известны соседям, репутация Деверсов будет навеки уничтожена. Они заплатят ему, сколько он попросит!

И Далила всему поверила, хоть и заметила, что дети Фэнси станут его наследниками, а ее дети будут считаться бастардами. Но Паркер Рэндолф пообещал этой женщине, что такого не случится и Фэнси никогда не родит ему детей. Теперь я понимаю, что он имел в виду. Но в ночь после свадьбы Далила не сумела сдержать ревность. Она спряталась в спальне новобрачных до прихода невесты и подсматривала, как Фэнси раздевают и готовят к появлению жениха. Дочь написала мне, что Далила увидела своего мужа с Фэнси, увидела, как он ласкает вторую жену, и, не стерпев, охваченная ужасной яростью, выскочила из укрытия.

Паркер Рэндолф буквально взбесился, особенно когда Далила открыла Фэнси правду, сказав, что ее брак – чистый фарс. Фэнси была вне себя от горя. Паркер, разумеется, все отрицал и заявил, что Далила безумна и ничего не сумеет доказать. Моя дорогая внучка встала на его сторону, заявила, что всему верит и, что бы ни случилось, будет поддерживать мужа. Тогда

Паркер рассмеялся и стал издеваться над женщинами, обозвав обеих круглыми дурами. Сказал Фэнси, что действительно женат на Далиле, и объяснил подробно весь свой план. Ей придется, твердил он, притворяться и лгать, пока он будет пользоваться всеми преимуществами ее богатства. А Далиле остается наблюдать, как он наслаждается Фэнси, и та ничего не сумеет поделать.

– Но она сумела! – догадался король.

– Именно, – подтвердила Жасмин. – Потеряв голову, Далила схватилась за первое, что подвернулось под руку: тяжелый серебряный подсвечник, – и ударила мужа по голове, раз, другой, третий. Тут Фэнси в панике принялась звать на помощь. Прибежали родные, но было уже поздно. Паркер Рэндолф лежал мертвый. Если бы правда вышла наружу, разразившийся скандал мог бы скомпрометировать Рэндолфов, впрочем, как и мою внучку. Ее репутация была бы погублена. И хотя родители Рэндолфа попытались взвалить всю вину на Фэнси, более влиятельная ветвь виргинских Рэндолфов не допустила несправедливости и заставила родственников увидеть происшедшее в истинном свете. Пытаясь утихомирить семью Паркера, отец Фэнси не потребовал назад уже выплаченную часть приданого, но и не позволил срывать злобу на Далиле. Сначала Рэндолфы утверждали, что она не может быть женой их сына, но та вынула спрятанное на груди брачное свидетельство, которое дал ей священник. Паркер, очевидно, понятия не имел, что у нее могут быть подобные доказательства. Кайрен Деверс отослал Далилу на Север, в Бостон, с суммой денег, достаточной, чтобы открыть модную лавку. И предупредил, что, если она когда-либо покажется в Мэриленде или Виргинии, он не сумеет ее защитить.

– А Фэнси уехала в Англию, – добавил король.

– Вряд ли она могла дальше оставаться в колониях, ваше величество, – тихо заметила Жасмин. – Как уже сказано, правду нельзя было открывать ни при каких обстоятельствах. Там у моей внучки не было будущего. Было объявлено, что у Паркера в ту ночь случился припадок, он упал и ударился головой об угол стола. Пришлось очистить и зашить рану перед тем, как положить его в гроб.

– Но почему Фэнси считает себя виновной в его смерти? – удивился король.

– Она твердит, что если бы не вышла за него, никакой трагедии не случилось бы. Слишком поздно девочка поняла, что не любила Паркера. Ей льстило то, что самый красивый во всей округе мужчина выбрал ее, и никого другого. Как младший ребенок в семье, она ничем не выделялась до той минуты, как привлекла внимание Рэндолфа. Бедняжку ослепил весь этот блеск, и трудно ее осуждать. Вот и все, ваше величество. Я, как могла подробнее, передала содержание письма, полученного от моей дочери прошлым летом.

Жасмин допила виски и поставила на стол бело-голубую фарфоровую чашечку.

– Я позабочусь о ней, – пообещал король.

– Знаю, – откликнулась Жасмин. – Стюарты всегда были добры к своим женщинам, кому это известно лучше, чем мне?

– Из вас бы вышла великолепная королева, – прошептал он.

– В свое время мне не раз говорили об этом, – улыбнулась она и встала. – А теперь мне пора домой, сир. Спокойной ночи.

Король вскочил и, проводив до двери, поцеловал ей руку.

– Поверьте, мадам, это действительно останется только нашей тайной. Не хотелось бы, чтобы Фэнси посчитала, будто я вмешиваюсь в ее дела, ибо мне кажется, что рано или поздно она обязательно расскажет обо всем, что случилось.

– Я тоже уверена в этом, ваше величество, – кивнула Жасмин и, неожиданно протянув руку, коснулась его смуглой щеки. – Вы совсем не похожи на дядю. Он был словно отлит из золота, только глаза голубые. Вы же настоящий француз.

– Моя мать утверждала, что я самый уродливый ребенок на свете, – засмеялся король. – Звала меня своим негретенком.

Жасмин тоже засмеялась.

– Зато вы стали совершенно необыкновенным мужчиной, и, что всего важнее, Карл Стюарт, сердце у вас доброе.

– Такого чудесного комплимента мне еще никто не делал, – заверил король с поклоном. Жасмин отворила дверь. Дежуривший у порога паж мгновенно встал, чтобы проводить вдовствующую герцогиню Гленкирк к экипажу.

Глава 5

День выдался ясным и холодным. Бледное солнце светило в почти белом небе, а в воздухе пахло снегом. Лодочники, правившие барками, проплывавшими мимо дворца, замедляли ход, стараясь рассмотреть короля и придворных, как всегда совершавших полуденную прогулку вдоль берега. Фэнси, закутанная в бархатный плащ цвета павлиньих перьев, отделанный богатым куньим мехом, шествовала на шаг позади короля, чья трость с серебряным набалдашником с хрустом вонзалась в гравий.

– Дорогу! Дорогу! – послышался резкий голос, и Фэнси, не успев опомниться, отлетела в сторону от грубого толчка леди Каслмейн.

– Здесь вам не место! – надменно заявила Барбара.

– Но и вам оно больше не по чину, мадам, – быстро нашлась Фэнси. – В отличие от вас меня попросили его занять.

Леди Каслмейн остановилась как вкопанная. Фэнси последовала ее примеру, а за ней – и весь двор.

– Как вы смеете говорить со мной подобным образом, мистрис?! – прорычала Барбара тем уничтожающе-ледяным тоном, который доводил до слез женщин постарше и поопытнее Фэнси.

– Вы непростительно грубы, мадам, – откликнулась Фэнси. – Ваше положение вовсе не дает вам права быть невежливой и невоспитанной, хотя, насколько мне известно, вы так не считаете.

Барбара Каслмейн, негодуя взвизгнув, размахнулась, чтобы дать ей пощечину.

– Да как у тебя хватает наглости вообще обращаться ко мне, не говоря уже о том, чтобы читать нотации! Я герцогиня Кливленд, а ты – всего лишь отродье грязного ирландца и особы, оказавшейся настолько глупой, чтобы из-за него потерять богатое поместье!

Но Фэнси успела перехватить ее руку, не дав нанести удар. Тонкие пальцы намертво вцепились в запястье герцогини.

– Моя мать, мадам, предпочла сохранить доброе имя и приняла благородную фамилию моего отца, принесла брачные обеты в церкви, что, поверьте, прямо противоречит тому позорному поведению, которым отличаетесь вы.

Барбара, ахнув, залилась краской, но прежде чем успела что-то ответить, третья дама в вишнево-красном бархатном плаще, отороченном серым кроличьим мехом, выступила вперед и ловко втиснулась между обеими женщинами.

– Что же, милорды и миледи, – лукаво объявила вновь прибывшая, – такого зрелища вы еще не видывали. Знатная шлюха короля, приличная шлюха короля и подзаборная шлюха короля в одном месте и одновременно!

Она рассмеялась. Напряжение несколько спало, поскольку придворные весело вторили ей. Король обернулся.

– Нелли! – мягко упрекнул он, тоже смеясь.

– И вы позволите этой швали говорить со мной в подобном тоне? – взвилась леди Каслмейн.

– И вы позволите этой фурии говорить со мной в таком тоне? – передразнила Нелл Гвин и, взглянув на Фэнси, заметила: – Ты очень красива. Сможешь мирно разделить его со мной, мистрис Деверс?

– Смогу, – кивнула Фэнси, предлагая руку молодой актрисе. – Прогуляемся вместе, мистрис Гвин?

Король довольно хмыкнул. Он терпеть не мог сцен вроде той, которую сейчас устроила Барбара. Кроме того, он по достоинству оценил то обстоятельство, что обе молодые прелестные

фаворитки так быстро поладили. Ах, жизнь становится куда легче, когда дамы не ссорятся из-за него.

Король пошел было дальше, но тут же повернулся и обратился к леди Каслмейн:

– Прочь с глаз моих, мадам! Я не желаю видеть вас при дворе до окончания рождественских праздников. А может, и дольше.

И, показав разгневанной женщине спину, он снова зашагал по берегу, но предварительно пригласил с собой Фэнси и Нелл. За ним двинулись придворные, старательно обтекая замершую леди Каслмейн. Вскоре рядом остался только ее маленький паж-негритенок. Мальчик, боязливо поеживаясь, ожидал приказов. Бедняжка заранее готовился к удару, который обязательно падет на его голову, ибо даже издали было заметно, как взбешена хозяйка. Но она вдруг сникла, словно усохла, и, повернувшись, одиноко побрела во дворец. Паж потрусил следом.

По пути леди Каслмейн уже совсем было решила донести королеве о появлении новой любовницы, но быстро сообразила, что ее величество скорее всего уже знает о том, как король обхаживает не только эту жалкую актрисульку, но и прелестную племянницу своего кузена. Если не считать короткого периода в самом начале брака, король неизменно обращался с женой уважительно и с полным почтением, как наедине, так и на людях. Королева же Екатерина, узнав о похождениях мужа, хоть и была шокирована, но скоро научилась смотреть сквозь пальцы на его многочисленные романы и знала всех побочных детей, которых тот с гордостью признавал.

Барбаре Вильерс до смерти не хотелось смириться с тем, что Карл Стюарт бросил ее. Она никогда не умела с достоинством принимать поражение. Ничего, она подождет. Рано или поздно эта шваль и дура девчонка, которую двор остроумно прозвал «king's Fancy»⁵, ему надоедят, и тогда придет ее время. В конце концов они вместе уже столько лет!

Король любил прогулки даже в холодные дни, но постепенно те, кто отправился с ним, начали отставать, возвращаясь в относительное тепло дворца. Однако Фэнси, как настоящая сельская уроженка, оказалась одной из немногих, кто мог бы потягаться с Карлом.

– Приходите навестить меня, – пригласила она мистрис Гвин, которая наконец решила их покинуть.

– Обязательно! – пообещала молодая актриса.

– Ты была добра к Нелли, – заметил Карл.

– А почему бы нет? – удивилась Фэнси.

– Она родилась в лондонских трущобах, в доме, который мало чем отличался от борделя.

– Но вы приняли ее, – запротестовала Фэнси. – И она очень забавна, не так ли, ваше величество? Кроме того, не думаю, что вы будете вечно верны нам обеим. Зачем же воевать с ней за вашу благосклонность? Недаром говорят, что сердце вашего величества такое же огромное, как ваш... – Она осеклась и уставилась на него смеющимися глазами. – И потом, вы король, а мне объяснили, что королям позволено то, что запрещено простым смертным.

– Ты неизменно поражаешь меня, Фэнси, – покачал он головой. – Твое происхождение безупречно, и все же ты ведешь себя, не как подобает даме из такой благородной семьи. Почему?

– Сама не знаю, – пожала плечами Фэнси. – Возможно, потому, что почти всю жизнь провела в колониях. Высший свет такой сухой и чопорный! Люди в колониях совсем другие. Мы более свободны, раскрепощены...

– До чего же странно быть правителем земли, которую ты никогда не видел и вряд ли увидишь, – усмехнулся Карл. – Особенно теперь, когда я тебя узнал.

– А мне теперь, кажется, больше по душе Англия.

Они достигли конца дорожки и повернули назад. Зимнее солнце уже садилось, и слуги зажгли факелы. Поднявшийся ветер развеивал плащи.

⁵ Королевская прихоть, каприз (англ.).

– Скоро пойдет снег, – вздохнула Фэнси.

– Сегодня ночью я приду к тебе, моя дорогая колонистка, – пообещал король, нежно целуя ее в губы, перед тем как переступить порог.

– Я буду ждать, – прошептала она, сворачивая в другой коридор.

В покоях ее уже ждали кузины. Коротая время, они пили шоколад и заедали его маленькими глазированными кексами. Фэнси засмеялась при виде кузин, сидевших подобно маленьким девочкам на полу перед камином с лицами, измазанными розовой глазурью и коричневым шоколадом.

– Вам удобно, кузины? – осведомилась она, отдавая Бесс плащ и усаживаясь рядом.

– Нам нужно переодеться к вечеру, – объявила Синара. – Повелитель беспорядка устраивает великолепный маскарад. Домой ехать уже поздно, поэтому мы принесли костюмы сюда.

– Переоденьтесь здесь, но после бала не приходите: король сказал, что навестит меня сегодня.

– Мы сразу отправимся домой, – пообещала Синара. – Завтра заберем все, что оставим здесь. Кстати, сегодня днем ты была изумительна! Так отбрызнуть леди Каслмейн! Уж очень она груба!

– Все потому, что ей слишком много позволяли. Никогда не стоит воображать, будто такое положение может длиться вечно. Мама говорила, что, поднимаясь на гору и спускаясь вниз, всегда рискуешь встретить одних и тех же людей. Миледи Каслмейн чересчур высокомерна. Но она не королева, да и король больше не благоволит к ней.

– Говорят, что он даже не спит с ней больше! – сообщила Дайана.

– Это мне неизвестно, – ответила Фэнси. – И не мое дело справляться у короля о подобных вещах.

– Ты влюблена в него? – выпалила Синара.

– Нет, – честно призналась Фэнси. – Но питаю к нему самые теплые чувства, а он очень добр ко мне. Мне нравится то наслаждение, которое дарят друг другу наши тела. Думаю, мы друзья. Если влюбляешься в человека, невольно оказываешься в зависимости от него, а я никогда больше не допущу такого.

– Интересно, его достоинство действительно так велико, как сплетничают?

– Син! – негодуя взвизгнула Дайана.

– Только не говори, будто ничего не слышала! – парировала кузина. – Все всё знают. Так это правда или вранье, дорогая Фэнси?

– Он действительно велик, и очень. Гораздо больше, чем мой муж, но мне просто не с кем сравнивать, Синара.

– Да, и больше, чем любой средний мужчина, – добавил чей-то голос, и в комнату вошла Нелл Гвин. – По правде говоря, он настоящий гигант, а я повидала немало «петушков», уж поверьте!

– Бесс, принеси мистрис Гвин чашку шоколада, – приказала Фэнси. – Съешь кекс, Нелли? Мои кузины великодушно оставили несколько штук на блюде.

– Спасибо, попробую, – дерзко улыбнулась молодая актриса, устраиваясь рядом с девушками. Ее зеленовато-карие глаза сверкали любопытством. – Здорово вы это сегодня! – заметила она. – Не думаю, что кто-то, даже сам король, смог бы так ловко осадить и поставить на место эту фурию.

Она потянулась за кексом и, сунув в рот кусочек, принялась с аппетитом жевать.

– Я более высокого происхождения, чем она, – заметила Фэнси, – а если бы и нет, все равно терпеть не могу, когда со мной так обращаются. Она просто невыносима!

– А разве мы многим лучше? – вздохнула Нелли.

– Да, – уверенно кивнула Фэнси. – Мы по крайней мере честны в наших желаниях. И не притворяемся кем-то иным, чем есть на самом деле.

– Наверное, ты права, – медленно протянула Нелл. – Я родилась в таверне, которая к тому же служила борделем для окрестных пьяниц. Мамаша сказала, что если уж я собираюсь стать шлюхой, нужно хотя бы найти богатого покровителя, потому что плата больше. – Она рассмеялась. – В десять лет я стала продавать апельсины в театре и, увидев модных дам и джентльменов, поняла, что мама была права. Вот и пошла в актрисы.

– Говорят, вы поете и танцуете куда лучше многих, – пробормотала Дайана.

– Вы та, кого прозвали Сиреной? Я слышала, что даже ваши соперницы не могут сказать про вас ни одного худого слова. Кстати, вы уже решили, который из бедных джентльменов получит вашу руку, миледи?

– Я еще не готова выбрать мужа, – рассмеялась Дайана. – Мы с кузинами только что явились ко двору, и мне хочется как следует развлечься.

– И вы правы, миледи. Веселитесь, пока можете. А вы, Син, остерегайтесь тех игр, которые вздумали вести с Гарри Саммерсом. Он таких малышек, как вы, живьем глотает.

Синара покраснела, но все же запальчиво выкрикнула:

– Я сама могу о себе позаботиться, мистрис Нелл!

Нелли покачала головой:

– Он в самом деле человек опасный. Не зря его прозвали Уикиднесс! Порок – вот его сущность! Фэнси, это король отдал вам апартаменты?

– Да, – призналась девушка.

– А я хочу дом! И не соглашусь на меньшее! У вашей семьи уже есть дом в Лондоне, так что для вас это особого значения не имеет. Кроме того, в один прекрасный день вы снова выйдете замуж и переедете в дом мужа. Но бедные девушки вроде меня должны сами всего добиваться. Думаю, когда я рожу королю ребенка, он подарит мне дом.

– Считаете, у вас будет ребенок? – заинтересовалась Синара.

– Разумеется! Король плодовит, как кролик, особенно когда речь идет о способности плодить бастардов! Все его женщины тоже плодовиты, как унавоженное поле, кроме нашей несчастной королевы. – Нелл понизила голос: – Говорят, что тесть герцога Йоркского настоял на кандидатуре португальской принцессы, зная, что она бесплодна. Его дочь замужем за герцогом, и он хочет, чтобы внуки правили после нашего доброго короля и его брата. Ходят слухи, что когда мать короля узнала о намерении принца Джеймса жениться на Анне Хайд, несколько дней плакала. Но поделать ничего не смогла, тем более что живот невесты набух ребенком еще до того, как был подписан брачный контракт.

Фэнси с широко раскрытыми глазами впитывала поразительные сплетни, которые с такой готовностью выкладывала Нелли. Возможно, кузины уже слышали нечто подобное, но Фэнси, недавно приехавшая в Англию, ничего не знала. И до сих пор не встречала женщин, подобных Нелл Гвин, хотя сразу же полюбила свою ровесницу, молодую актрису. Пусть она немного грубовата и неотесанна, зато рассудительна, остроумна, и с ней всегда интересно. Похоже, у нее появилась подруга, и Фэнси очень была этим довольна.

Пришло и прошло Рождество. Закончилась Двенадцатая ночь. Следующий праздник, к которому с энтузиазмом готовился двор, был День святого Валентина, покровителя влюбленных.

– Ему следовало быть покровителем этого двора, судя по количеству незаконных связей, измен и побочных детей, – публично заявила Нелли Гвин, чем немало позабавила короля. Даже сейчас, лежа в постели с Фэнси, он улыбнулся при воспоминании об этом.

– У нее насмешливый ум, у нашей Нелл, – заметил он вслух.

– Не уверена, что мне льстит ваша способность обсуждать других женщин, одновременно лаская мои груди, – пробормотала Фэнси.

– Ревнуешь? – поддел он, целуя ее круглое плечико.

– Похоже, так и есть, сир, – призналась она, немного подумав.

– Ты любишь меня?

– Да, – медленно протянула Фэнси, – но не так, как любит женщина мужчину.

– Как же тогда? – удивился король.

– Точно так же, как любите меня вы. Я наслаждаюсь нашей взаимной страстью. Ценю нашу дружбу. И хотя немногие женщины способны смириться с таким положением, я вполне довольна.

– Не знаю, то ли радоваться, то ли огорчаться, – усмехнулся он, подминая ее под себя и целуя в губы.

– Но не хотите же вы, чтобы я уподобилась миледи Каслмейн? – серьезно спросила Фэнси. – Упрямой, упорной, не желающей принять неизбежное и начать новую жизнь? Да, она делила изгнание с вашим величеством, но вы были более чем великодушны с ней. Она злоупотребила вашей добротой, не захотев уйти вовремя.

– Значит, если я скажу, что между нами все кончено, ты покорно отступишься?

– С сожалением, ваше величество, но да, я не задержусь, не стану конфузить и смущать вас, взывать к вашей совести. В том, что вы страстный и добрый мужчина, нет вашей вины.

– Смотрю, дорогая Фэнси, ты очень быстро учишься придворным повадкам. Я невольно задаюсь вопросом, что бы вышло из тебя, родись и воспитывайся ты в Англии. Женщины вашей семьи известны своей проницательностью, дальновидностью и благоразумием.

– И любящими натурами, – зазывно прошептала она, притягивая к себе его темную голову и целуя в губы.

Он стал нежно ласкать ее, ибо, говоря по правде, Карл Стюарт, король Англии, успел привязаться к Фэнси Деверс, умной и чувственной: качества, которыми он неизменно восхищался в женщине. Кроме того, она с благодарностью принимала все, что он предлагал ей, и не в пример многим его любовницам вовсе не отличалась алчностью. Как мудро она заметила, они стали друзьями. И навсегда ими останутся, но сейчас любили друг друга, и она отвечала на его ласки с пылом, воспламенявшим в короле безумное желание.

Фэнси блаженно вздохнула. Именно такой она представляла себе истинную страсть.

Король уже добрался до ее груди и лизал сморщенные соски, пока она не застонала. Только тогда язык скользнул ниже. Зубы покусывали чувствительную плоть, посылая приятный озноб по спине. Ее ноги словно превратились в теплый воск. Она стала гладить его, слегка царапая ноготками, и снова вздохнула, когда он вошел в нее, до отказа заполняя узкий грот и продолжая двигаться до того момента, когда оба вскрикнули, охваченные пламенем экстаза. Потом Фэнси тихо плакала, роняя слезы на его грудь, а он гладил ее, пока она не успокоилась.

– Я всегда мечтала о такой страсти, – призналась она. – И так рада, что познала ее с вами, сир.

– И познаешь еще раз, с мужем, моя маленькая колонистка, – пообещал Карл. – Я знаю, что всегда был превосходным любовником, но другие мужчины тоже умеют дарить и получать наслаждение.

– Я больше не выйду замуж! – отрезала Фэнси.

– Когда-нибудь обязательно выйдешь, и я сам выберу тебе жениха, дабы твердо знать, что он – человек благородный и будет ценить тебя так же высоко, как я.

– Вы уже выбирали мужа для леди Каслмейн и смотрите, что получилось, – язвительно напомнила Фэнси. – Я не хочу ни награды, ни высокого положения, когда мы попрощаемся, ваше величество. Мне более чем достаточно быть вашим другом. Мне в голову не приходило, что, приехав сюда, я приобрету дружбу такого человека, как вы.

Он снова поцеловал ее в губы.

– Иногда мне кажется, что ты так же добра и мила, как прелестная Сирена.

– О нет, – запротестовала Фэнси. – Я вовсе не похожа на Дайану, но и миледи Каслмейн – не пример для подражания. Мне ни к чему доказывать всему миру, что я пользуюсь благосклонностью короля. То, что мы делим, ваше величество, принадлежит только нам.

– Знаешь, моя маленькая колонистка, я еще не встречал женщин, подобных тебе.

– Вполне вероятно, ваше величество, – согласилась Фэнси. Сейчас она была очень счастлива. И хотя знала, что долго это не продлится, все равно радовалась каждому мгновению.

День святого Валентина уже близился, когда Нелли задумала отучить короля от визитов к другой актрисе, по имени Молл Дэвис.

– Никакие мои выговоры на него не действуют! – жаловалась она.

– Он король, а короли привыкли подчиняться только своим желаниям, – напомнила Фэнси подруге.

– Знаю-знаю, мы не можем помешать ему окунать свою большую ложку в каждый горшочек с медом, который попадает на глаза. Но и Молл мне хорошо знакома. Груба, как горсть щебенки, глупа и вечно нос дерет! Если ее не поставить на место, она быстро сделает короля посмешищем. Пока что он не пригласил ее ко двору, но она всеми силами этого добивается. Ее нельзя допускать в приличное общество, если мы не хотим скандала. Король не желает видеть ничего, кроме хорошенького личика и упругих титек.

– Но что мы можем сделать? – недоумевала Фэнси.

– Король обещал навестить Молл после празднеств, в ночь святого Валентина, – с ехидной ухмылкой сообщила Нелл. – Только когда войдет к ней, если, разумеется, она не догадается кого-нибудь послать к нему, окажется, что бедняжка не готова к приему его величества.

– Почему? – насторожилась Фэнси.

– Молл – большая сластена, – пояснила Нелли. – И ужасная обжора. В День святого Валентина она получит от неизвестного поклонника бонбоньерку с любимыми цукатами: засахаренными сливами, вареными в меду фиалками и новыми шоколадными конфетами, которые недавно вошли в моду. Молл наверняка поверит, что это сам король прислал ей угощение, поскольку бонбоньерка будет из чистого серебра с позолотой и устлана серебряным кружевом. Уж поверь, мне пришлось выложить немалые денежки!

– Ты собираешься отравить ее? – всполошилась Фэнси.

– Нет, – рассмеялась Нелл. – Просто в сладости положено немного слабительного. К тому времени как придет король, Молл успеет съесть почти все конфеты, ну а потом несколько часов подряд не встанет с ночного горшка, раз за разом опорожняя свои несчастные внутренности. Вряд ли король после этого захочет на нее посмотреть. Сердце у него, конечно, доброе, но ни один мужчина не потерпит женщину, которую либо рвет, либо безудержно несет.

Фэнси робко хихикнула, но смешок тут же сменился громким хохотом. Она веселилась так, что по щекам потекли слезы, и, немного оправившись, с трудом выговорила:

– Ты ужасна, Нелл Гвин, и такие шутки просто возмутительны, но, кровь Христова, не хотела бы я иметь такого врага, как ты! Чем же я могу помочь?

– Король вернется во дворец глубоко разочарованным, – пояснила Нелли. – И будет искать тебя. Но не найдет. У меня нет покоев в Уайтхолле, но меня он искать не станет. Не захочет во второй раз покидать дворец. Поэтому отправится в одинокую постель, где будем ждать мы обе.

– Обе?! – ахнула Фэнси.

– Обе. И совершенно нагие.

– Я никогда... – начала Фэнси, но тут же осеклась.

– Разумеется. Где тебе слышать о подобных вещах?! Но если расспросишь бабушку, она еще и не такое расскажет. Мужчины вроде короля иногда любят разнообразие в любовных играх. По какой-то не вполне понятной мне причине вид двух женщин, целующих и ласкающих друг друга, невероятно их возбуждает. Давай преподнесем королю подарок на День святого

Валентина. Наша непристойная выходка в сравнении с омерзительным состоянием Молл Дэвис быстро вытеснит ее из головы короля.

– Не знаю, смогу ли я решиться... – задумчиво протянула Фэнси.

– Разве мы не подруги? – удивилась Нелл и, повернув к себе лицо Фэнси, быстро поцеловала в губы. – Ну что, это так страшно?

– Ты ужасная грешница, особенно когда добиваешься своего, но нет, это вовсе не так страшно. И я ходила голой перед своей сестрой Мэв и полуголой перед кузинами Синарой и Дайаной. Но разве взаимные ласки не возбуждают нас?

– Конечно, – призналась Нелл, – но заодно и воспламят вожделение короля, и именно он утолит наши желания. К утру наш монарх будет всем доволен и счастлив, а мы приобретем его глубочайшие милость и благоволение, тем более что звезда Молл Дэвис погаснет.

– Она действительно такая недостойная особа, или ты ревнуешь? – напрямик спросила Фэнси.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.